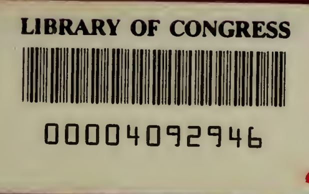

LIBRARY OF CONGRESS
00004092946

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ЗАПИСКИ АКУШЕРКИ.

I.

Вступленіе.

Въ 18... году пріѣхала я изъ Риги съ намѣреніемъ поступить въ акушерскій институтъ. Еще въ Ригѣ узнала я отъ знакомыхъ докторовъ, что въ акушерскихъ институтахъ есть нѣмецкіе классы, что экзаменъ не трудный и плата не большая. Сколько я ни распрашивала, больше ничего не узнала, потому что они и сами больше ничего не знали.

Зная, что учебный годъ начинается въ концѣ августа, я пріѣхала къ этому времени и тутъ уже узнала, что въ одномъ изъ заведеній, дѣйствительно, лекціи начинаются съ конца августа, а въ другомъ съ января, и что пріемъ производится по субботамъ.

Отыскала я институтъ; сторожъ указалъ мнѣ во дворѣ крыльцо, ведущее въ пріемную. Поднявшись по лѣстницѣ, ступенекъ въ 20, я остановилась предъ дверью, съ надписью: «входъ въ пріемную». Я отворила дверь, вошла въ довольно большую комнату.

Ни въ пріемной, ни кругомъ никого не было; но въ отдаленіи слышались голоса и шаги. Я простояла съ минуту въ нерѣшимости и подошла къ двери налѣво. На встрѣчу мнѣ бѣжала молодая дѣвушка въ зеленомъ холстинковомъ платьѣ, въ бѣломъ передникѣ и бѣлой пелеринкѣ, съ какими-то лоскутками бумаги въ рукахъ.

— Куда вы идете?.. чего вамъ надо?.. накинулась она на меня сразу.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ канцелярія, въ которой записываются желающіе поступить въ заведеніе?

— Какая канцелярія?.. никакой канцеляріи нѣтъ. Записываются въ комитетѣ.

И она устремилась на лѣстницу.

— Гдѣ же этотъ комитетъ находится?

Но дѣвушка, не слушая, убѣжала.

На наши голоса, въ маленькую комнатку вышло нѣсколько дѣвушекъ, одѣтыхъ въ такія же зеленыя платья съ бѣлыми передниками, но безъ пелеринокъ. Обратившись къ нимъ, я узнала, что комитетъ находится напротивъ, черезъ дворъ, а что эта комната пріемная, въ которую приходятъ роженицы.

Я ужь повернулась уходить, но съ лѣстницы бѣжала барышня въ коричневомъ шерстяномъ платьѣ, и остановила меня вопросомъ:

— Что вамъ нужно?

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ настоятельно, что я невольно отвѣтила, что мнѣ нужно въ комитетъ.

— Развѣ здѣсь комитетъ?.. здѣсь пріемная! начала барышня такимъ сердитымъ тономъ, что я сочла за лучшее поскорѣй уйти, но услышала вслѣдъ ворчаніе.

— Толкаются тутъ по цѣлымъ днямъ, сами не знаютъ чего!

Перейдя черезъ дворъ и поднявшись по лѣстницѣ, я вошла въ указанную мнѣ дверь и очутилась въ длинномъ корридорѣ; онъ тянулся влѣво и кончался въ полумракѣ. У одной стѣны стояла длинная вѣшалка, въ другой было двѣ двери; въ простѣнкахъ помѣщались желтые комоды и скамейки. Обѣ двери были заперты. Въ темномъ концѣ корридора слышался крикливый женскій голосъ; кому-то дѣлались отрывистыя, бранныя замѣчанія, пересыпаемыя угрозами.

Я усѣлась на одну изъ скамей, въ ожиданіи появленія когонибудь. Черезъ нѣсколько минутъ, изъ глубины корридора показалась барышня въ зеленомъ платьѣ. Она пробѣжала мимо меня, не обративъ на меня никакого вниманія, и устремилась къ двери, въ которую я пришла. Я не рѣшилась обратиться къ ней и продолжала ждать.

Вошли двѣ барыни и тоже сѣли на скамью. По ихъ нерѣшительному виду я заключила, что онѣ тоже пришли записываться и, вѣроятно, тоже прошли черезъ пріемную. Онѣ шептались, выражая сильное безпокойство. Я обратилась къ нимъ съ вопросомъ. Барыни явно обрадовались и начали вполголоса разсказывать:

— Мы пріѣзжія, съ Кавказа, хотимъ поступить въ бабушки; да такая бѣда наша: ничего не знаемъ. Спрашивали мы на Кавказѣ своего *дохтура*, да только и узнали, что есть два родильныхъ дома, и бабушки въ нихъ казенныя и вольныя,—а больше онъ ничего не знаетъ. Какъ пріѣхали, такъ нарочно наняли квартиру у бабушки, чтобъ разузнать все, а она тоже толкомъ ничего не знаетъ. Говоритъ, что есть и казенныя и *пинсіонерки*,

и вольныя; и деньги платить надо, и *екзаментъ* требуютъ. А мы про *екзаментъ* и въ мысляхъ не имѣли... Ну, Богъ милостивъ! пожалѣетъ нашей бѣдности, сколько мы денегъ на дорогу издержали... Только бы приняли, а ужъ тамъ какъ нибудь *выучимся*... Да чтожъ это мы все сидимъ?.. Гдѣ же этотъ *канитетъ* находится?.. Надо спросить кого нибудь!..

— А васъ кто послалъ сюда?

— Ахъ, и не говорите! Сколько мы страху набрались! Мужъ-то мой *ахвицеръ*, къ своимъ порядкамъ привыкъ и научилъ меня: иди, говоритъ, прямо къ *дилехтору*, тамъ тебѣ и прошеніе напишутъ. Какъ пришли мы къ *дилехтору*, тàкъ насъ лакеишка принялъ, что мы едва ноги унесли; онъ и сказалъ: ступайте, говоритъ, въ *канитетъ*. Спасибо, ужъ на дворѣ баба какая-то показала, что сюда...

Въ это время по корридору безпрестанно проходили дѣвушки въ бѣлыхъ фартукахъ и пелеринахъ, не обращая на насъ никакого вниманія; изъ одной двери выходили какія-то двѣ старухи, рылись въ комодахъ, спорили на счетъ какого-то бѣлья, уходили, возвращались, брякая ключами и передвигая ящиками. Наконецъ, явился какой-то господинъ съ книгами подъ мышкой и направился въ глубь корридора.

— Вы, вѣрно, письмоводитель? поспѣшила я остановить его.— Скажите, пожалуйста, гдѣ тутъ комитетъ, и къ кому намъ обратиться съ прошеніемъ о поступленіи въ заведеніе?

— Я не письмоводитель, а швейцаръ; а съ прошеніемъ слѣдуетъ вамъ обратиться въ комитетъ, тамъ и запишутъ.

— Неизвѣстно ли вамъ, какой требуется экзаменъ или дипломъ?

— Какой тутъ экзаменъ! удивленно и презрительно воскликнулъ онъ.—Принесите пачпортъ и деньги—вотъ и весь экзаменъ Какіе тутъ еще экзамены?!.

— Гдѣ же этотъ комитетъ?

— А вотъ я самъ иду туда.

Мы двинулись за нимъ, но идти оказалось не далеко: тотчасъ за вѣшалками въ темномъ углу была дверь, которую замѣтить возможно только подойдя къ ней. Надписи на ней никакой не оказалось.

Комитетомъ оказалась большая комната, въ три окна, очень похожая на классъ. У стѣны, противъ оконъ, стояли амфитеатромъ двѣ дугообразныя скамейки. Вдоль боковыхъ стѣнъ прямыя скамейки амфитеатромъ же; кругомъ стулья съ деревянными сидѣньями; по срединѣ большой столъ, а на немъ чернильница. Въ боковыхъ стѣнахъ по одной двери. Одна изъ этихъ дверей

была отворена и за нею виднѣлась комната, тоже со столомъ и скамейками около него, и еще шкафы съ бѣльемъ за стеклами.

Когда мы вошли въ комитетъ, въ немъ была молодая дѣвушка въ коричневомъ шерстяномъ платьѣ съ бѣлой пелеринкой и чернымъ передникомъ. Она вытирала пыль, передвигала и устанавливала рядышкомъ стулья, — вытерла чернильницу, палочку, смела съ оконъ, съ плинтусовъ на дверяхъ, окинула все взглядомъ и ушла въ отворенную комнату.

Тотчасъ послѣ нея, изъ этой же комнаты, выбѣжала старуха въ очкахъ, въ черномъ платьѣ, топая пятками безъ каблуковъ, съ шнуровою книгою въ рукахъ; бросилась къ столу, положила книгу; передвинула чернильницу, опять поставила на старое мѣсто; задвигала книгой, и вдругъ пронзительно стала звать:

— Абрамова! Абрамова!

На зовъ этотъ прибѣжала, съ тряпкой въ рукахъ, дѣвушка, стиравшая пыль.

— Что это такое? Какъ вы убираете! Посмотрите, какая пыль! Это что! Это что!

Она тыкала пальцемъ по всѣмъ направленіямъ.

— И чернильница не вытерта, и все въ безпорядкѣ. Возьмите тряпку и вытрите все хорошенько. Ничего вы не можете сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Директоръ сейчасъ идетъ, а вы ни о чемъ не думаете. Вытирайте, вытирайте! чтобы чисто было. Стулья подвиньте, сотрите съ нихъ... хорошенько!.. хорошенько!.. Барышня вытирала и передвигала, снова вытирала и снова передвигала.

Въ это время пришло еще нѣсколько желающихъ записаться; онѣ входили одна за другой, молча садились и смотрѣли на интересную сцену.

А старуха въ черномъ прибѣгала еще нѣсколько разъ, принося то линейку, то ножикъ, и всякую вещь передвигала и перекладывала по нѣскольку разъ, какъ бы отыскивая для нея надлежащее мѣсто на столѣ.

Мы сидѣли и ждали, не понимая, куда мы попали и что вокругъ насъ происходитъ. Въ сосѣдней комнатѣ слышалась брань старухи въ черномъ платьѣ, споры многихъ молодыхъ голосовъ; изъ нея выбѣгали одна за другой барышни въ зеленыхъ и коричневыхъ платьяхъ, пробѣгали мимо насъ въ другую комнату, приносили и уносили какія-то платья, передники и пелеринки, суетились и, не обращая на насъ никакого вниманія, дѣлали вслухъ замѣчанія:

— Еще пришли записываться! Когда это конецъ будетъ! Ужь сидѣть негдѣ, а все принимають. Скоро другъ другу на колѣни будемъ садиться.

— Слава Богу! сказала, наконецъ, одна:—директоръ объявилъ, что осталось только 2 ваканціи.

Послѣ этого замѣчанія, всѣ пришедшія пришли въ видимое безпокойство, задвигались, стали шептаться и подсаживаться ближе къ столу.

Наконецъ, изъ корридора явился какой-то господинъ съ шнуровыми книгами подъ мышкой, усѣлся за столъ, разложилъ книги и сталъ рыться въ нихъ. За нимъ слѣдомъ пришли еще двое и тоже сѣли за столъ.

Наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ, восклицанія: директоръ, директоръ! и изъ корридора появился старикъ, сопровождаемый цѣлой свитой какихъ-то господъ. Всѣ они усѣлись вокругъ стола и начали разговаривать отрывистыми фразами на нѣмецкомъ языкѣ, но такъ глухо, что я ничего не могла понять. А пришедшія записываться мгновенно повскакали съ своихъ мѣстъ и окружили столъ.

Рядомъ съ директоромъ сѣлъ господинъ лѣтъ 45-ти. На половину сѣдые волосы его были разчесаны англійскимъ проборомъ, пышныя бакенбарды расправлены на обѣ стороны, розовыя щеки лоснились; все это довершалось солиднымъ брюшкомъ и бѣлоснѣжными руками въ перстняхъ. Я потомъ узнала, что это русскій профессоръ. Онъ развернулъ большую, шнуровую книгу и обратился къ намъ на ломанномъ русскомъ языкѣ, приглашая не тѣсниться и не торопиться, такъ какъ все равно, всѣ поступить не могутъ, ибо имѣются только двѣ ваканціи. Это было какъ бы сигналомъ къ безпорядку; пришедшія записываться бросились къ столу съ своими паспортами и совали ихъ господамъ, сидѣвшимъ за столомъ.

Профессоръ обратился къ стоявшей возлѣ него, спросилъ ея имя, фамилію, адресъ, вписалъ все это въ книгу; затѣмъ всталъ, велѣлъ барынѣ сѣсть на его мѣсто и написать въ книгѣ подъ его диктовку: «Покорнѣйше прошу принять меня въ число вольноприходящихъ учепицъ повивальнаго института.

Такая-то.»

Послѣ этого, онъ сѣлъ, взялъ ея паспортъ, просмотрѣлъ, отдалъ директору; тотъ тоже просмотрѣлъ и отдалъ секретарю.

Записывая тѣмъ же порядкомъ адресъ прочихъ, профессоръ отъ времени до времени издавалъ на нѣмецкомъ языкѣ восклицанія:

— Это ужасно! изъ цѣлыхъ десятковъ ни одна не умѣетъ писать!

У одной изъ поступающихъ былъ паспортъ и дипломъ изъ института, но не оказалось свидѣтельства отъ мужа о дозволеніи

на поступленіе въ акушерки. О дозволеніи этомъ она, подобно мнѣ, ничего не слыхала.

Ей вручили назадъ паспортъ, объясняя, что она можетъ придти въ другой разъ, принести дозволеніе и тогда ее примутъ.

— Но вѣдь вы говорите, что осталось только двѣ ваканціи, а пришло, посмотрите-ка, сколько; стало быть, я ужь не попаду?

— Что-жь дѣлать? я не виноватъ.

— Но я не принесла разрѣшенія только потому, что не знала такого правила; я непремѣнно принесла бы его, потому что мужъ мой ничего противъ моего поступленія не имѣетъ.

— Я ничего не могу вамъ сказать; приходите въ слѣдующую субботу.

Въ это время кавказская барыня видимо волновалась; у ней разрѣшенія тоже не имѣлось. Когда дошла очередь до нея, она громкимъ голосомъ затарантила:

— Г. Дилехторъ! Я тоже не знала, что надо разрѣшеніе, я тоже принесу его... Я нарочно пріѣхала съ Кавказа... Извольте подождать, г. дилехторъ, будьте такъ милостивы...

У меня тоже не было разрѣшенія и мужъ мой даже не находился въ Петербургѣ. Но мнѣ не хотѣлось терять времени и я рѣшилась попробовать. Когда дошла очередь до нѣмокъ, я обратилась къ господину, который сталъ записывать насъ, съ объясненіемъ, что я тоже не знала такого правила, но что черезъ нѣсколько времени я непремѣнно представлю дозволеніе. Нѣмецъ не обратилъ на мои объясненія никакого вниманія, молча взялъ мой паспортъ, спросилъ и записалъ въ книгу мою фамилію и адресъ, всталъ, уступилъ мнѣ свое мѣсто и продиктовалъ мнѣ ту же фразу по нѣмецки. Затѣмъ велѣлъ отдать паспортъ и деньги секретарю.

Я, конечно, крайне была довольна, но рѣшительно не понимала, почему мнѣ сдѣлано такое снисхожденіе. Только впослѣдствіи я узнала, что этимъ я обязана была своей національности—я нѣмка.

Пока вносили паспортъ въ книги и приготовляли квитанцію— мнѣ сунули подписать печатный листъ, на которомъ я прочла слѣдующее:

Желая посвятить себя изученію повивальнаго искусства, я, въ полномъ сознаніи трудовъ, обязанностей и самопожертвованія, сопряженныхъ съ избраннымъ мною поприщемъ, при поступленіи моемъ въ число ученицъ повивальнаго института, даю сію подписку въ точномъ исполненіи нижеслѣдующихъ правилъ:

1. Безпрекословно повиноваться непосредственному моему на-

чальству, съ кротостью и добросовѣстностью исполнять всѣ возлагаемыя на меня обязанности.

2. Употреблять всѣ зависящія отъ меня старанія для разумнаго и успѣшнаго изученія повивальнаго искусства, прилежно посѣщая уроки и репетиціи.

3. Прилагать всевозможное стараніе обращаться, при уходѣ за роженицами и больными, кротко и ласково, согласно тому назначенію, котораго желаю достигнуть.

4. Въ обращеніи съ ученицами моими соблюдать надлежащія приличія и избѣгать всякаго повода къ несогласію и ссорамъ.

5. Строго наблюдать за цѣлостью ввѣренныхъ мнѣ казенныхъ вещей и госпитальныхъ принадлежностей, съ отвѣтственностью за нихъ.

6. Въ родильной комнатѣ и палатахъ вести себя тихо и скромно, и строго избѣгать всего, что могло бы нарушить спокойствіе больныхъ.

7. На дежурства являться аккуратно и непремѣнно въ назначенное время.

8. Не безпокоить начальство просьбами объ освобожденіи отъ уплаты слѣдующихъ за обученіе денегъ.

9. Ни въ какомъ случаѣ не позволять себѣ курить табаку въ зданіи института.

10. Соблюдать строгое приличіе и скромность въ одеждѣ.

Примѣчаніе. Въ правилахъ института постановлено: вольно-приходящія ученицы обязаны являться на лекціи и въ госпиталь въ самыхъ скромныхъ костюмахъ, по возможности сходныхъ съ одеждой казенно-коштныхъ ученицъ.

Въ случаѣ неисполненія мною изложенныхъ правилъ, я подвергаюсь исключенію изъ числа ученицъ, и теряю право на полученіе отъ института свидѣтельства въ томъ, что я слушала въ немъ лекціи повивальнаго искусства.

На оборотѣ стоялъ цѣлый рядъ подписей: читала и согласна. Такая-то. Всѣ эти подписи изображали такія каракули, что я невольно остановилась и нѣсколько секундъ разсматривала ихъ; на двухъ большихъ страницахъ не было ни одной подписи, написанной хотя бы сноснымъ почеркомъ.

За тѣмъ мнѣ вручили квитанцію и сказали, чтобы я пришла сюда же во вторникъ въ 9 часовъ.

II.

Лекціи.

Прійдя во вторникъ въ 9 часовъ, я увидала, что на длинной вѣшалкѣ висѣла разнообразная верхняя женская одежда, а изъ комитета раздавался оживленной говоръ женскихъ голосовъ. Войдя туда, я увидала человѣкъ 20 учоницъ, сидѣвшихъ группами и въ одиночку, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, отъ самаго простаго до самаго изъисканнаго. Названіе ученицъ совсѣмъ не шло къ этому собранію: большая часть присутствовавшихъ была въ зрѣломъ возрастѣ, а у двухъ уже волоса съ просѣдью. Я присѣла и стала слушать. Одиночки сидѣли большею частью заткнувъ уши и въ полголоса повторяли: «тазъ есть костяное кольцо, составляющее нижнюю часть туловища, тазъ есть костяное кольцо, составляющее нижнюю часть туловища»; съ другой стороны слышалось: «человѣческое тѣло раздѣляется на туловище, голову и оконечности, человѣческое тѣло раздѣляется на голову, туловище и оконечности»... Въ группахъ ученицы репетировали другъ друга по тѣмъ же самымъ вопросамъ. Въ одной изъ группъ обращала на себя вниманіе ученица, лѣтъ около тридцати, звонко, смѣло и скороговоркой разсказывавшая урокъ.

— Вотъ кто хорошо знаетъ! обратилась ко мнѣ одна изъ сидѣвшихъ по близости.

— Что жъ тутъ удивительнаго! просто хорошая память.

— Ну нѣтъ, не говорите. Вы не повѣрите, какъ это трудно. У меня, напримѣръ, отличная память, и учусь я очень старательно, и все не могу выучить; особенно этотъ противный тазъ! Кажется знаешь, а какъ начнутъ спрашивать, такъ все перепутается въ головѣ, что ничего сказать не съумѣешь.

— А развѣ тутъ спрашиваютъ уроки?

— А какъ же! Профессоръ читаетъ лекціи, а репетиторъ спрашиваетъ. И все старается сбить, а потомъ насмѣхается. А профессоръ премилый, превѣжливый...

— Профессоръ идетъ! объявила скороговоркой барыня, появившись въ дверяхъ корридора. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и съ шумомъ бросились толпою къ скамейкамъ, толкая другъ друга и тискаясь на перебой.

Профессоръ, въ которомъ я узнала одного изъ господъ, засѣдавшихъ въ комитетѣ, усѣлся въ кресло передъ столомъ, на которомъ лежалъ тазъ и кукла, изображавшея новорожденнаго ребенка, и монотоннымъ голосомъ началъ лекцію. Описаніе орга-

новъ было самое краткое и спутанное; о каждомъ предметѣ онъ разсказывалъ нѣсколько словъ, повторялъ каждую мысль нѣсколько разъ въ различныхъ фразахъ, помогая при этомъ себѣ руками Я слушала очень внимательно, но никакого яснаго представленія объ описанныхъ предметахъ не получила и была вполнѣ увѣрена, что въ концѣ концовъ намъ покажутъ описываемые предметы или на трупѣ или на картинѣ, и стала оглядывать комнату— нѣтъ ли въ ней чего нибудь въ этомъ родѣ. Но ничего, кромѣ таза и куклы, не было. Тогда я подумала, что, вѣроятно, послѣ лекціи насъ поведутъ въ другое помѣщеніе, гдѣ мы все это увидимъ, и снова принялась внимательно слушать, но при всей моей серьезности, мнѣ стало очень смѣшно. Форму описываемыхъ органовъ, относительное расположеніе ихъ, измѣненіе положеній— все это профессоръ изобразилъ своими пальцами и кулаками, такъ что вся лекція сопровождалась самой разнообразной жестикуляціею. Просидѣвъ ровно часъ, профессоръ всталъ и, сказавъ: «до четверга», ушелъ.

Всѣ разомъ вскочили съ мѣстъ словно обрадовавшись и мгновенно поднялся ужасный гвалтъ. Иныя схватились за книги, опять разсѣлись по угламъ и снова начали: «тазъ есть круглое костяное кольцо...

Большая же часть разбились на кружки; однѣ повторяли и старались уяснить себѣ лекцію. Онѣ читали по учебнику и по примѣру профессора изображали себѣ описываемые органы руками. При этомъ горячо спорили, хватали другъ друга за руки, исправляя фигуры, и въ концѣ концовъ всѣ дружно хохотали; другія болтали о разныхъ пустякахъ, дѣлали замѣчанія о лекціи, пересыпая ихъ двусмысленностями. Все это сопровождалось взрывами смѣха.

Вдругъ въ корридорѣ раздались мѣрные, громкіе шаги съ сильнымъ стукомъ каблуковъ.

— Фалецкій! Фалецкій!... пронесся шопотъ и опять всѣ толпою съ шумомъ бросились къ скамейкамъ. Но тревога оказалась напрасною — въ дверяхъ, вмѣсто репетитора, показалась одна изъ учениць, нарочно представлявшая Фалецкаго, чтобы напугать подругъ. Появленіе ея вызвало единодушный хохотъ. Всѣ вскочили съ мѣстъ, столпились, никто уже не брался за книгу, и началась общая болтовня съ такимъ азартомъ, что вошедшаго въ это время Фалецкаго замѣтили уже тогда, какъ онъ былъ посреди комнаты.

Давъ всѣмъ усѣсться и успокоиться, Фалецкій началъ спрашивать, и обратился къ ученицѣ, памяти и способностямъ которой такъ удивлялась моя сосѣдка. Но къ величайшему удивле-

нію теперь вся ея бойкость исчезла, она отвѣчала нерѣшительно и такъ тихо, что ее едва было слышно. Она сбивалась на самыхъ простыхъ вещахъ, каковы, напримѣръ, размѣры.

— Скажите мнѣ величину поперечника между сѣдалищными буграми?

— Д...д...десять!...

— Подумайте хорошенько!

— В...в...восемь...

— Двѣнадцать, двѣнадцать, двѣнадцать! подсказывало нѣсколько голосовъ.

— Двѣнадцать, сказала рѣшительно ученица.

— Смотрите, увѣрены ли вы въ этомъ! можетъ быть больше или меньше. Ученица старшаго класса, и такихъ простыхъ вещей не знаете! Какъ же вы принимаете послѣ этого? Вѣдь это начало и основаніе всего. Ну, сколько же наконецъ изъ всѣхъ приведенныхъ вами чиселъ?

— Двѣнадцать... двѣнадцать... опять послышались голоса.

— Двѣнадцать! совсѣмъ уже увѣренно отвѣчала она.

— Опишите мнѣ крестцовую кость, обратился репетиторъ къ другой.

— Крестцовая кость, крестцовая кость, начала она, мѣняясь въ лицѣ и какъ бы ошалѣвъ:—эта такая... трехугольная... крѣпкая... спереди нѣсколько отверстій... На верхней поверхности шероховатое мѣсто... между каждой парой отверстій выпуклая линія... остріемъ крестцовая кость обращена къ низу... эти отверстія служатъ для прохожденія первовъ и сосудовъ.

— Ну, изъ вашего описанія не легко понять что-нибудь. Вы не торопитесь, а изложите все послѣдовательно, а то вы говорите о шероховатомъ мѣстѣ на верхней поверхности, не сказавши, есть ли такая поверхность. Пожалуйста не спѣшите.

— Крестцовая кость... это крѣпкая кость... выгнутая напередъ... имѣетъ 4—5 паръ отверстій...

— Да вы возьмите тазъ въ руки—вамъ легче будетъ описывать, опять перебилъ репетиторъ.

Ученица, красная какъ вареный ракъ, взяла со стола тазъ и стала вертѣть его въ рукахъ, но отвѣту это не помогло. Послѣдовательнаго описанія крестцовой кости мы такъ и не услышали, и репетиторъ обратился къ другой. Далѣе было тоже самое въ томъ же родѣ, каждая спрошенная ученица, при обращеніи къ ней, вся какъ-то съёживалась, вспыхивала и, мѣняясь въ лицѣ, мяла въ рукахъ свой учебникъ. Каждая имѣла видъ ошалѣвшей отъ испуга, недоумѣнія и т. д.

Какъ только репетиторъ задавалъ ученицѣ вопросъ—всѣ осталь-

ныя тотчасъ же отыскивали въ учебникѣ, который всѣ держали въ рукахъ, соотвѣтствующую страницу, пробѣгали ее и за тѣмъ уже подсказывали. Подсказыванье совершалось такъ громко, такъ явно, что я недоумѣвала.

— Ну что, поддразнила я свою сосѣдку:—каково ваша образцовая ученица отличилась?

— Да знаете, это со всякимъ бываетъ. Кажется, уж как хорошо выучишь, а спросятъ, такъ отъ страха все перезабудешь.

— Помилуйте, какой тутъ страхъ—вѣдь ей, по крайней мѣрѣ, 28 лѣтъ.

— Да что-жь тутъ помогутъ лѣта, если человѣкъ застѣнчивъ.

Я вспомнила, какъ онѣ, пять минутъ тому назадъ, бойко острили, и засмѣялась.

— Вотъ вы мнѣ что скажите, обратилась я опять къ ней:—репетиторъ упомянулъ, что она старшая. Курсъ только что начался—откуда же явилась старшая?

— А съ прошлаго года.

— Развѣ курсъ продолжается два года?

— Какъ кто хочетъ, кто сидитъ два, кто полтора, кто 9 мѣсяцевъ—какъ придется. Вотъ мы поступили въ августѣ, а въ декабрѣ будетъ переходный экзаменъ. Если мы выдержимъ, то перейдемъ въ старшій курсъ, а если успѣемъ принять дома шестерыхъ, то можемъ держать и окончательный экзаменъ. А кто хочетъ, можетъ оставаться еще на годъ для практики. А если не выдержимъ экзамена въ декабрѣ, и останемся въ младшемъ классѣ, то опять будемъ держать въ маѣ, и тогда только перейдемъ въ старшій классъ. Иныя сами не держатъ въ декабрѣ—боятся, другія поступятъ не задолго до экзаменовъ,—вѣдь тутъ принимаютъ впродолженіе всего года.

— Еще вотъ что скажите: что это за барыни съ пелеринками?

— Это казенныя.

— Отчего онѣ въ разныхъ платьяхъ и передникахъ?

— Такое ужь тутъ заведеніе. Весь институтъ раздѣляется на палаты—нижнюю и среднюю, лазаретъ и родильную. Въ палатѣ и лазаретѣ по 2 казенныхъ дежурныхъ — одна старшая и одна младшая, а въ родильной — одна старшая. Въ палатахъ и родильной онѣ носятъ зеленыя платья съ бѣлыми фартуками, и пелеринкой; въ лазаретѣ лиловое платье съ голубымъ фартукомъ и бѣлой пелеринкой. Въ классѣ коричневое платье съ бѣлымъ фартучкомъ и пелеринкой, на пріемку — также, классная дежурная въ черномъ фартукѣ и съ бѣлой пелеринкой.

Я замѣтила, что нѣкоторыя изъ нашихъ учениц были тоже

въ зеленыхъ платьяхъ съ бѣлыми передниками, и спросила свою сосѣдку: что это значитъ и отчего не всѣ такъ одѣты?

— Онѣ сегодня дежурныя.

— Вы уже дежурили когда нибудь?

— Сколько разъ.

— Скоро ли послѣ поступленія назначаютъ на дежурство?

— Да сейчасъ же; иная на третій же день дежуритъ.

— А отъ кого же можно узнать, когда будешь назначена?

— А вотъ на двери виситъ росписаніе.

Я посмотрѣла списокъ фамилій, но своей не нашла, и выразила опасеніе, что, пожалуй, меня долго не назначатъ. Сосѣдка моя смѣялась.

— Напрасно, милая моя, торопитесь, скоро опротивѣетъ хуже горькой рѣдьки. Я вотъ тоже такъ стремилась поскорѣе взяться за дѣло, а теперь рада бы вовсе не ходить.

— А развѣ такъ трудно?

— Пожалуй и трудно, а главное очень ужь глупо и обидно; мы вѣдь не въ сидѣлки нанимались, а напротивъ свои деньги платимъ.

— Да что же тамъ надо дѣлать?

— А нечистоты таскать—вотъ что! Я потомъ цѣлый день ѣсть не могу.

— Да можетъ быть, это только случайно, такъ пришлось: сидѣлки не было. Не лежать же больной такъ...

— Какія тамъ сидѣлки! никакихъ сидѣлокъ нѣтъ; мы, дежурныя, все дѣлаемъ.

— Это странно, а съ другой стороны, пожалуй, и хорошо. Вѣдь и на вольной практикѣ не всегда найдется прислуга, такъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, привыкнемъ.

— Ну, милая моя, это ужь вы глупости говорите. Вопервыхъ, привыкать тутъ не къ чему; если непремѣнно понадобится, такъ и безъ привычки сдѣлаешь: мудрость не велика! а нѣсколько мѣсяцевъ сряду таскать нечистоты—вещь не особенно пріятная.

— А какъ часто дежурство?

— На восьмой день.

— Какъ это?

— Такъ, что, если вы дежурили сегодня, напримѣръ, во вторникъ, то въ слѣдующій разъ придете въ среду, затѣмъ въ четвергъ, въ пятницу; каждый разъ однимъ днемъ позже.

— Вотъ какъ странно! Кто же это такъ придумалъ! Вѣдь это ужасно неудобно. Могутъ найтись такія, которыя даютъ уроки или имѣютъ другія опредѣленныя занятія; выговорить одинъ день въ недѣлю возможно, но какъ вы будете толковать, что

одну недѣлю вы не придете въ понедѣльникъ, другую—во вторникъ, третью—въ среду; вѣдь это такая путаница, что всякій смѣяться станетъ.

— Ну, ужь это не знаю, съ неудовольствіемъ отвѣчала сосѣдка.—Сказано на восьмой день — и дѣло кончено; насъ съ вами спрашивать не станутъ.

Въ четвергъ было то же самое, что во вторникъ: опять профессоръ прочелъ краткую, но многословную лекцію, часто посматривая на часы и замѣняя рисунки своими кулаками, и репетиторъ не могъ добиться ни одного толковаго отвѣта.

Послѣ класса, когда мы въ корридорѣ одѣвались, вышла къ намъ старуха въ чорномъ платьѣ, въ очкахъ, которую я видѣла въ первый день, и объявила, чтобы всѣ новенькія сшили себѣ форменныя дежурныя платья, бѣлые передники и купили туфли и сѣтки.

— Зачѣмъ это непремѣнно сѣтки? спрашивала я учениць.

— Все она вретъ, не слушайте вы ее, никакой сѣтки не нужно; мы, слава Богу, не казенныя. И туфель никакихъ не нужно—всѣ ходятъ на каблукахъ. А вотъ что нужно, такъ нужно; какъ будете на дежурство, постарайтесь, вопервыхъ, надѣть какъ можно меньше вещей, изъ верхней одежды, и все самое старое, потому что изъ шкафа, въ которомъ мы вѣшаемъ платье, постоянно пропадаютъ вещи; еще недавно пропало у одной изъ нашихъ пальто.

Въ субботу урокъ съ репетиторомъ былъ сначала; по окончаніи его онъ объявилъ намъ, чтобы мы шли на верхъ, въ палаты, что у насъ будетъ практическая лекція. Пошли мы всѣ гурьбой на верхъ съ обыкновеннымъ шумомъ и хохотомъ. На верху оказался длинный корридоръ съ дверями по обѣ стороны. Войдя въ него ученицы стихли; старшія, знакомыя уже со всѣми порядками, разбрелись по комнатамъ, а мы, младшія, стояли въ нерѣшительности въ корридорѣ.

Вдругъ изъ-за угла показалась дама въ коричневомъ шерстяномъ платьѣ со шлейфомъ, съ чорнымъ шолковымъ передникомъ и, увидавъ насъ, торопливо заговорила:

— За чѣмъ вы пришли сюда? Что вамъ здѣсь нужно? Идите въ классъ! Здѣсь нельзя оставаться.

— Намъ велѣли идти сюда. У насъ будетъ практическая лекція.

— Глупости, глупости, идите въ классъ.... Когда надо будетъ— васъ позовутъ.

Мы ушли.

Вслѣдъ за нами прибѣжала казенная, крича: куда вы ушли,

тамъ профессоръ сердится! не могли подождать.... двадцать разъ звать васъ.... идите скорѣй!

Слѣдуя за ней, пришли мы въ одну изъ комнатъ того корридора, въ которомъ только что были.

Тамъ уже былъ профессоръ и наши старшія; онѣ стояли въ головахъ кровати, на которой лежала больная. Ученицы окружали ее со всѣхъ сторонъ.

— Прошу въ другой разъ не заставлять ждать васъ и посылать за вами, обратился къ намъ профессоръ при нашемъ появленіи.

Затѣмъ, вызвавъ желающую, онъ сталъ спрашивать теорію изслѣдованія, цѣль и значеніе его. Опять ровно часъ продолжалась лекція. На этой лекціи было больше смѣха, чѣмъ дѣла. Ученица отвѣчала такія несообразности, что самъ профессоръ не могъ удержаться отъ смѣха. А ученицы съ наслажденіемъ вторили ему.

Въ это время я успѣла разсмотрѣть помѣщеніе, въ которомъ мы находились. Это была большая свѣтлая комната въ два окна; у двухъ стѣнъ стояло по кровати, возлѣ каждой изъ нихъ стоялъ шкапикъ, накрытый зеленой клеенкой, а въ ногахъ крошечная дѣтская желѣзная кроватка съ верхомъ, вся обтянутая чехломъ изъ розоваго полосатаго тика, покрытая бѣлымъ покрываломъ съ широкой оборкой.

Полъ, шкапы, ширмы, шкапъ въ простѣнкѣ между окнами, стулья по бокамъ его,—словомъ, все лоснилось и блестѣло; нигдѣ нельзя было найти ни пылинки. Обѣ кровати были въ безукоризненномъ порядкѣ, обтянутыя одѣяла не представляли ни малѣйшей складочки. Самое выгодное впечатлѣніе произвела на меня эта комната, а крошечная чистенькая кроватка вызывала просто умиленіе.

Немного только смутило меня то обстоятельство, что во время лекціи нѣсколько разъ входила казенная на цыпочкахъ и обдергивала на больной одѣяло, не имѣвшее очевидно способности оставаться вытянутымъ и ровнымъ при движеніяхъ больной.

Вернувшись внизъ, я поинтересовалась узнать, кто была дама въ платьѣ со шлейфомъ, прогнавшая насъ изъ корридора.

— Это дежурная помощница, услышала я въ отвѣтъ.

— Чья помощница?

— Какъ чья?... просто помощница.

— Да вѣдь слово помогать непремѣнно предполагаетъ кого нибудь, кому помогаютъ. Кому же дежурная помощница помогаетъ?

— Никому она не помогаетъ, сердито воскликнула моя сосѣд-

ка. — И чего вы ко мнѣ съ такими глупостями пристаете? Я вамъ говорю, что эти барыни называются помощницами, а почему—это не мое дѣло. Называютъ ихъ такъ — вотъ вамъ и весь сказъ.

— Что же онѣ дѣлаютъ?

— Дежурятъ по очереди по суткамъ вмѣстѣ съ нами въ палатахъ.

— То есть, вмѣстѣ съ нами ходятъ за больными?

— Ха! ха! ха! залилась моя сосѣдка. — Какая вы смѣшная. Слышите, mesdames, она думаетъ, что помощницы ходятъ за больными!

— Ну такъ что же онѣ дѣлаютъ?

— Главное—цѣлый день кричатъ и дѣлаютъ замѣчанія, чтобы показать, что онѣ что нибудь дѣлаютъ, распредѣляютъ дежурныхъ, раздаютъ обѣдъ, смотрятъ за пылью.... ну, и что же еще!... Да, еще учатъ насъ принимать! Ахъ, какая вы уморительная, опять засмѣялась она:—что вамъ только въ голову приходитъ. Ну, только я вамъ отъ добраго сердца совѣтую, начала она въ полголоса:—вы такихъ необдуманныхъ словъ не говорите, а то кто-нибудь передастъ помощницѣ и васъ допекутъ....

— Что же дурнаго я сказала?

— Дурно или не дурно, а все такъ говорить нельзя, потому что онѣ какъ разъ могутъ обидѣться, а вѣдь на дежурствѣ вы въ рукахъ помощницы, и она можетъ дѣлать съ вами все, что хочетъ.

— Да чтожъ она можетъ дѣлать со мной, не въ уголъ ли, въ самомъ дѣлѣ, ставить.

— Въ уголъ не поставитъ, а первое у насъ то, что будетъ посылать васъ всегда на самую трудную работу.

— Ну это еще не бѣда—я работы не боюсь, и увѣрена, что буду дѣлать все безукоризненно.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь. Ужъ если вы разъ попадете въ немилость, то не только что безукоризненно, но и порядочно-то ничего не съумѣете сдѣлать.

— Вотъ такъ разъ; какъ же это такъ?

— А такъ, что дѣлать-то, можетъ быть, вы будете дѣйствительно безукоризненно, да находить этого такимъ никто не будетъ, а совсѣмъ наоборотъ. Какъ бы хорошо вы ни дѣлали, все будетъ нехорошо, и тихо, и неумѣло. И ничего вы съ этимъ не подѣлаете. Войдетъ, напримѣръ, помощница въ вашу компату, а вы ушли принести для больной воды напиться. — Гдѣ дежурная, куда она бѣгаетъ?... Больныя лежатъ однѣ, безъ всякаго надзора. а она постоянно бѣгаетъ.... Вы являетесь и на

ея крикъ объясняете, что ходили за водой.—Я васъ прошу сидѣть на мѣстѣ, а не бѣгать по корридорамъ, такъ не дежурятъ: вы ушли, а тутъ больная одна... что нибудь случится...

— Да вѣдь и у меня языкъ есть...

— Васъ и слушать не станутъ, а станете говорить, такъ еще хуже будетъ. Перейдете во второй курсъ, станете принимать, такъ натерпитесь всего. И пріемки вамъ въ очередь не дадутъ, и позовутъ въ родильную тогда, какъ уже ничего дѣлать не останется. А тамъ вѣдь она все время сидитъ надъ вами, и смотритъ, какъ вы принимаете, такъ тутъ ужь держитесь. Нѣтъ, милая моя, вы такія глупыя мысли бросьте. Иначе, какъ лаской да угожденіями, ничего не подѣлаете; повѣрьте, я вамъ отъ души говорю, потому что вы мнѣ очень понравились, и я увѣрена, что моихъ словъ никому не передадите.

— Я вамъ очень благодарна, но признаюсь, что вы меня ужасно удивили, я никогда ни о чемъ подобномъ не думала.

— Да и я, пока сюда не поступила, то же не думала, а тутъ много очень приходится подумать и позаботиться. Вы, кажется, еще и съ казенной ни съ одной не познакомились.

— Ни съ одной; да какъ же съ ними знакомиться, вы видите, какія онѣ собаки; я еще ни разу не слышала, чтобы онѣ говорили по человѣчески, а не огрызались.

— Это онѣ сначала только, съ новенькими. Надо только умѣть съ ними ладить. Сначала, онѣ дѣйствительно все огрызаются, а вы все ласкою да любезностью, и посмотрите: на третій разъ ужь совсѣмъ не то будетъ. А безъ этого никакъ невозможно, потому что тутъ все въ рукахъ казенныхъ, и онѣ наше непосредственное начальство. Черезъ нихъ-то, большею частью, и попадаютъ въ милость къ помощницѣ. Онѣ что наговорятъ той, она всему вѣритъ. Да, наконецъ, если не будете съ ними дружны, то ничему и не научитесь, потому онѣ должны намъ все показывать, а какъ ее заставишь, если она не захочетъ. Конечно, одной лаской да любезностью тоже ничего не подѣлаешь.... Вотъ наша хорошенькая блондинка, она тутъ со всѣми дружна, и съ помощницами, и съ казенными.... За то она и принимаетъ больше всѣхъ, и на дежурствахъ ничего не дѣлаетъ, только кружева вяжетъ, да романы читаетъ....

— Такъ въ чемъ же тутъ секретъ-то, я все таки не понимаю.

— Подарки всѣмъ дѣлаетъ, прошептала сосѣдка, наклонившись совсѣмъ къ моему лицу.—Конечно, она богата и намъ за нею не угоняться.... она, говорятъ, одной помощницѣ отличное шелковое платье подарила, а казенныхъ постоянно угощаетъ....

III.

Первое дежурство.

Наконецъ, пришла моя очередь дежурить. Одѣлась я въ форменное платье съ бѣлымъ передникомъ и отправилась.

По дорогѣ къ институту догнала я ученицу русскаго класса, которая, узнавъ во мнѣ по платью товарку, заговорила со мной, и мы пошли вмѣстѣ. За нѣсколько домовъ до института, встрѣтились намъ дрожки, на которыхъ ѣхали двѣ дамы. Спутница моя замѣтила ихъ тогда, какъ онѣ ужъ проѣхали, и по этому поводу такъ всполошилась и разъахалась, что я нѣсколько времени не могла сообразить, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, Господи! вотъ несчастье-то! Какъ это я не замѣтила! за этими погаными разговорами только глупостей надѣлаешь! И куда у меня глаза дѣвались!

— Да что такое, скажите ради Бога?

— Да то, что Татьяна Николаевна проѣхала и, кажется, поклонилась, а я не отвѣтила. Она, Богъ знаетъ, что подумаетъ! Вѣдь надо же было болтать....

— А кто она такая?

— Татьяна Николаевна? удивленно спросила она, недоумѣвая, какъ я могу не знать этого:—старшая помощница.... Ну что она теперь подумаетъ!

— Да ничего не подумаетъ, кромѣ того, что вы ее не замѣтили.

— Ахъ, Боже мой, вы ничего не понимаете!

Я не стала дольше распрашивать, и мы, молча, пошли дальше; спутница моя шла съ сердитымъ видомъ, и отъ времени до времени дѣлала себѣ подъ носъ отрывистыя восклицанія.

На дежурство ходятъ черезъ пріемную, въ которой раздѣваются и вѣшаютъ платье въ шкапъ, сдѣланный въ стѣнѣ.

Когда мы вошли, у шкапа стояло нѣсколько дежурныхъ. Уходящія одѣвались, приходящія раздѣвались и вѣшали платье. Въ шкапу прибита вѣшалка, на которой половина крючьевъ обломана, такъ что часть платья всегда лежитъ на полу, а шляпки, зонтики, шарфы грудой навалены на маленькой полкѣ, прибитой такъ высоко, что приходится доставать вещи или зонтикомъ, или тащить за висящій кончикъ. Спутница моя, раздѣвшись, снова обратила вниманіе на меня.

— Вы вѣдь въ первый разъ дежурите, такъ я дамъ вамъ добрый совѣтъ: повѣсьте въ шкапѣ только пальто, а все остальное возьмите съ собою.

Совѣтъ былъ данъ такимъ выразительнымъ тономъ, что я по-

няла, что она намекаетъ на часто случающіяся покражи. Но такъ какъ я слышала о нихъ раньше, то ничего, кромѣ стараго пальто и такой же шляпы, не взяла; даже башлыкъ побоялась надѣть.

— Куда же мнѣ теперь идти?

— А вотъ подождите рядомъ въ маленькой комнатѣ, придетъ помощница и скажетъ.

Въ комнатѣ этой стояли: умывальникъ, кушетка съ двумя подушками, передъ нею столъ съ чернильницей, подъ двумя окнами по низенькому шкапу. Это—клиника, въ которой по утрамъ доктора принимаютъ больныхъ.

Я сѣла на стулъ и стала ждать. Черезъ нѣсколько секундъ изъ смежной комнаты вышла казенная и крикнула мнѣ:

— Чего вы здѣсь сидите?

— А вотъ жду помощницу.

— Вы вѣрно въ первый разъ на дежурствѣ?

— Въ первый.

Казенная стала вытирать пыль.

Черезъ нѣсколько минутъ появилась помощница съ большимъ шлейфомъ, звонко стуча высокими каблуками.

— Клеопатра Алексѣевна, вотъ новенькая; куда ей идти дежурить? обратилась къ ней казенная.

— Ахъ, погодите вы съ своими новенькими! точно у меня одно только дѣло! двадцать разъ еще успѣю назначить.

Она прошла въ другую комнату, а я продолжала сидѣть; черезъ нѣсколько минутъ она, однакожь, вернулась и обратилась ко мнѣ.

— Вы новенькая?

— Да.

— Въ первый разъ дежурите?

— Въ первый.

— Идите въ лазаретъ.

— А гдѣ онъ находится?

— Можете спросить дежурныхъ, онѣ и покажутъ.

Казенная все время дергала меня изподтишка за платье, и когда помощница прошла, ядовитымъ тономъ начала вполголоса:

— Я васъ дергаю, а вы не понимаете! Вы не понимаете, что передъ помощницей нельзя сидѣть, когда она съ вами говоритъ!

Въ лазаретѣ меня встрѣтила казенная дежурная, въ лиловомъ холстинковомъ платьѣ съ бѣлой пелеринкой и голубымъ фартукомъ, и показала, гдѣ я должна находиться.

Казенныхъ было двѣ. Одна изъ нихъ съ какимъ-то блѣднымъ, отеклымъ лицомъ сидѣла въ креслѣ передъ столомъ, еле-еле шила рубашку и отдавала приказанія другой. Эта другая съ пріят-

нымъ, свѣжимъ личикомъ, бѣгала съ какими-то бумажками въ рукахъ, обращаясь за разъясненіями къ сидѣвшей, выходила, возвращалась и все это дѣлала торопливо и раздражонно.

Я сѣла на единственный маленькій деревянный стулъ и стала ждать указаній. Просидѣвъ нѣсколько времени и видя, что ко мнѣ никто не обращается и не говоритъ, что̀ я должна дѣлать, я спросила сидѣвшую:

— Что мнѣ дѣлать?

— Что прикажутъ, то и будете дѣлать, буркнула она мнѣ въ отвѣтъ.

Я достала работу и стала ожидать приказаній.

Черезъ нѣсколько времени изъ смежной комнаты раздался голосъ больной:

— Бабушка, бабушка!

— Догадайтесь, пожалуйста, встать, обратилась ко мнѣ сидѣвшая казенная:—я думаю, что вы дежурить пришли, а не чулки вязать.

Оказалось нужнымъ положить заснувшаго у груди ребенка въ кроватку.

— Пойдемте, я вамъ все покажу, сказала младшая дежурная, входя въ это время:—кстати, я вамъ покажу кухню, гдѣ брать воду.

По дорогѣ она сказала:

— Если вамъ что будетъ нужно, вы обратитесь ко мнѣ.

— Да вотъ, прежде всего мнѣ надо знать, какія мои обязанности и что я должна дѣлать?

— Вы должны дѣлать все, что понадобится больной, подать напиться, заварить чай, убрать посуду, подать ребенка покормить, перепеленать его, если кладутъ ей лёдъ или компрессы—перемѣнять ихъ; однимъ словомъ все, что понадобится. Впрочемъ, сегодня можете не безпокоиться, много дѣлать не придется, потому что больныхъ мало. А вотъ послѣ обѣда будетъ *убирка*, такъ я покажу вамъ какъ убирать.

Черезъ нѣсколько времени явилась сидѣлка съ корзинкой, изъ которой она вынимала и клала каждой больной по полуторакопѣечной французской булкѣ. Затѣмъ ласковая казенная объявила сердитой, что *пріѣхалъ* обѣдъ. Та нехотя встала и ушла въ корридоръ, а двѣ сидѣлки стали разносить тарелки съ овсянкой и супомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ кто-то громко объявилъ въ комнатѣ:

— Дежурныя! идите обѣдать!

Я вышла въ корридоръ и увидѣла, что со всѣхъ сторонъ бѣжали вольноопредѣляющіяся дежурныя, и стремясь къ столу, сто

явшему въ концѣ корридора, мгновенно окружили его и несмотря стали хватать, что первое попадало подъ руку. Одна схватила тарелку и поспѣшно налила изъ оловянной миски супу; другая отхватила ложкой кусокъ каши, но не нашла тарелки; посмотрѣла, посмотрѣла и стала ѣсть, придерживая рукой; другія успѣли захватить по тарелкѣ и на нихъ по куску вывареннаго и затѣмъ подрумяненнаго мяса, служащаго жаркимъ.

Когда я подошла, все ужь было расхватано, не осталось даже кусочка хлѣба, и всѣ торопливо и жадно ѣли, какъ бы опасаясь, чтобы другія не отняли. Кончающія старательно выскребывали тарелки и дѣлали замѣчанія.

— Ай, да супъ! просто и во снѣ такой не приснится!

— Развѣ это супъ! это щи!

— Безъ капусты-то?

— Какъ безъ капусты! А листики-то плавали. Шарлотта держится правила—хорошенькаго понемножку и отпускаетъ по одному листику на человѣка.

— А я вотъ каши поѣла, да теперь и сама не рада—жжетъ въ горлѣ какъ огнемъ.

— Я никогда каши не ѣмъ, потому что въ нее вмѣсто масла кладутъ сало, которымъ мы бабъ изслѣдуемъ...

— Господи, все ужь съѣли! воскликнула опоздавшая. — Хоть бы хлѣба кусочекъ оставили.

— Изъ чего было оставлять-то—всего шесть кусочковъ было.

Я смотрѣла и слушала, и просто ни глазамъ, ни ушамъ своимъ не вѣрила. Первое уже, что поразило меня—это мѣсто обѣда: обѣдаютъ на столѣ, стоящемъ въ корридорѣ. Столъ безъ скатерти, обтянутъ чорной клеенкой. На столѣ оловянная миска и два оловянныхъ судка. Въ этихъ трехъ посудинахъ приносятъ пищу для дежурныхъ—шесть порцій. Этихъ шести порцій едва ли бы хватило и, дѣйствительно, на шесть человѣкъ, а дежурныхъ было десять, да многія опытныя или не нуждающіяся въ обѣдѣ не пришли вовсе. Такъ какъ ни звонка, ни какого-либо другого условнаго знака нѣтъ, а объявляетъ объ обѣдѣ мимоходомъ казенная, то многія часто и не знаютъ. Счастливицы, прибѣгающія первыя, хватаютъ тарелку и ложку и накладываютъ въ нее все, что успѣютъ схватить и супъ, и кашу, и тертаго картофелю къ мясу и самого мяса. Прихватитъ такая счастливица кусокъ хлѣба, отходитъ въ сторонку, и старается съѣсть какъ можно скорѣе; другія заранѣе условливаются помочь другъ другу въ захватѣ; которая раньше прибѣжитъ, нахватаетъ по возможности и дѣлится потомъ по обѣщанію; комбинаціи бываютъ самыя разнообразныя.

Покончивъ съ обѣдомъ, дежурныя разошлись по комнатамъ, а я сѣла на свое мѣсто. Заплакалъ ребенокъ; я взяла его, онъ оказался мокрымъ. Стала я его распеленывать и отшатнулась,—такъ дурно отъ него пахло. Я подумала, что у него на тѣлѣ раны и внимательно осмотрѣла, но ребенокъ оказался совершенно здоровымъ.

— Посмотрите, пожалуйста, обратилась я къ казенной:—какъ отъ этого ребенка пахнетъ... Боленъ онъ что ли?.. Просто силъ нѣтъ возиться съ нимъ.

— Что вы тамъ выдумываете! Не духами же ему пахнуть... пеленайте только, а до другого вамъ дѣла нѣтъ.

Запеленала я его въ чистое бѣлье и спрашиваю, куда положить грязное.

— Если грязное — бросьте въ ящикъ въ корридорѣ, а если только мокрое—развѣсьте.

— Гдѣ же его вѣшать?

— Рядомъ въ комнатѣ, передъ каминомъ.

Я была увѣрена, что, по крайней мѣрѣ, комната эта пустая, но въ ней точно также лежали двѣ больныя и отличалась она отъ другихъ только тѣмъ, что въ ней былъ каминъ, а передъ нимъ стояла низкая вѣшалка изъ желѣзныхъ прутьевъ, на которой висѣла цѣлая куча мокрыхъ пеленокъ и свивальниковъ.

Черезъ нѣсколько времени казенная объявила, что пора убирать и началась такъ-называемая *убирка*. Сидящая казенная потягиваясь встала съ кресла и остановилась посреди комнаты наблюдать. Я поспѣшила напомнить другой ея обѣщаніе показать, какъ надо убирать.

Дѣло оказалось очень просто. Принести въ особенный кувшинъ съ длинной гуттаперчевой кишкой воды, повѣсить его на палку, утвержденную въ деревянномъ креслѣ, водой этой обмыть больную и перемѣнить ей бѣлье. Знаній не требуется никакихъ; разъ показать, такъ навсегда запомнишь. Еслибы не большая экономія на бѣлье, то и запоминать бы нечего, потому что помнить надо только то, что старую подъодѣяльную простыню обратить въ подкидную, а подъ одѣяло положить чистую. Но такъ какъ это дѣлаешь надъ больною, которая не только не можетъ встать, но не должна много ворочаться, то для скораго и ловкаго выполненія требуется привычка и снаровка.

Первую больную убрала со мной вмѣстѣ казенная, другую стала убирать я сама, а она ушла. Другая казенная все стояла, выражая нетерпѣніе.

Обмыла я больную счастливо, но едва успѣла взяться за простыни, какъ она накинулась на меня съ крикомъ:

— Скорѣй, скорѣй, поворачивайтесь; не одна вы тутъ, не могу я цѣлый часъ стоять надъ вами...

Я заторопилась, стараясь изъ всѣхъ силъ, но казенная не была довольна. Она выхватила у меня простыни и стала сама перекладывать ихъ, дергая во всѣ стороны и простыни, и больную и приговаривая:

— Ходятъ, ходятъ, и ничего не умѣютъ дѣлать, за всякую все сдѣлай сама... лучше бы ужь ихъ вовсе не было.

Я недоумѣвала.

Послѣ уборки мы заварили больнымъ чай; онѣ напились и мы прибрали въ шкафъ посуду. Дѣлать было нечего; я сидѣла и разсматривала окружающее.

Сердитая казенная опять сѣла шить рубашку; другая обратила на себя все мое вниманіе. У нея тоже была съ собой въ корзинкѣ работа, но она не могла сосредоточиться на ней. Только присядетъ, свяжетъ нѣсколько петель—и опять встанетъ, подойдетъ къ кровати, поправитъ и обдернетъ одѣяло, передвинетъ кружку, поправитъ клеенку на столѣ. Только успѣетъ взять крючекъ въ руки или связать рядъ—опять больная повернулась и одѣяло свѣсилось однимъ угломъ. Она опять встаетъ, обдергиваетъ его, оправляетъ кстати подушку, расправляетъ оборку на покрывалѣ дѣтской кроватки. Посидѣла, посидѣла немного, да вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, схватила откуда-то тряпку и побѣжала по комнатамъ стирать пыль. Обтерла все, что только возможно: и окна, и шкапики, и стулья, и ширмы, и плинтусы у дверей, даже на полу, казалось, ни пылинки не осталось.

Нѣсколько разъ проходила по корридору помощница, каждый разъ заглядывала въ одну изъ комнатъ и дѣлала какое нибудь замѣчаніе.

— Посмотрите, какъ кроватъ не ровно стоитъ; подвиньте ее къ стѣнѣ.

— Поправьте одѣяло—смотрите, на что оно похоже!

— Зачѣмъ вы отдернули покрывало, задерните его; надо, чтобъ кроватка всегда была задернута. Какъ вынимаете ребенка, сейчасъ и опускайте его.

— Смотрите, чтобъ у васъ на окнахъ ничего не лежало...

— Смотрите, чтобъ у васъ все было въ порядкѣ.

Я вставала, поправляла, обдергивала, задергивала и, наконецъ, начала поминутно оглядываться, нѣтъ ли еще какого безпорядка. Голосъ ея постоянно слышался изъ корридора то ближе, то дальше, замѣчанія сыпались дождемъ. Наконецъ, я съ трепетомъ начала ждать ея приближенія, и, услышавъ шаги, боялась поднять голову.

Въ седьмомъ часу въ корридорѣ раздался чей-то голосъ:

— Купать дѣтей!

Изъ всѣхъ комнатъ высыпали дежурныя съ дѣтьми на рукахъ, прикрывъ ихъ своими фартуками. Я никакъ не воображала, чтобы дежурнымъ, можетъ быть, никогда не видавшимъ такихъ крошечныхъ дѣтей, съ перваго раза давали купать ихъ, и двинулась за другими, чтобы приглядѣться къ этой операціи, но сердитая казенная вернула меня:

— Вы куда идете?

— Хочу посмотрѣть, какъ купаютъ дѣтей.

— Только смотрѣть! Это мнѣ нравится! а купать за васъ, стало быть, я буду? Не хотите ничего дѣлать, такъ не зачѣмъ было поступать!

— Я думала...

— Вы не думайте, а тащите ребенка—васъ ждать не станутъ.

Я взяла ребенка и пошла за другими. Ванная комната была биткомъ набита дежурными; однѣ уже купали, другія развертывали, сидя на низкихъ скамейкахъ, третьи пеленали на особенно-устроенномъ пеленальникѣ. Маленькихъ ванночекъ двѣ. Въ каждую изъ нихъ проведенъ кранъ холодной воды, а горячую сидѣлка приноситъ въ кувшинахъ изъ находящейся рядомъ кухни. Всѣ спѣшили, толкались и на перерывъ стремились къ ваннѣ.

Я не спѣшила; обращеніе съ маленькимъ краснымъ созданіемъ, выскользавшимъ изъ непривычныхъ рукъ, смущало меня; я мучилась мыслію, что вывихну ему что нибудь.

Наконецъ, дошла очередь и до меня. Положила я крошечку въ ванну, казенная сунула мнѣ въ руку губку съ увѣщаніемъ:

— Пожалуйста, скорѣй!

Я обмакнула губку въ воду, которой было едва на два пальца и не знала, что дѣлать.

— Вытрите сперва лицо.

Но въ томъ-то и дѣло, что я не могла рѣшиться вытирать лицо этой старой губкой, изодранной въ клочки, которою только что выкупали десятокъ дѣтей, оттирая все тѣло.

— Э, да вы, я вижу, ничего не знаете.

Казенная выхватила у меня губку, вытерла ребенку лицо, голову и отдала мнѣ, говоря:

— Ну, теперь оботрите все тѣло.

Я принялась за дѣло, но не успѣла и двухъ разъ сполоснуть ребенка, какъ услышала:

— Довольно, довольно! другія дожидаются.

Скоро послѣ купанья подали ужинъ. Сначала опять разнесли его больнымъ, а затѣмъ позвали вольноприходящихъ. Ужинъ былъ

совершенное подобіе обѣда, только кушаньевъ два и еще въ меньшемъ количествѣ.

Вечеръ тянулся скучно. Въ 9 часовъ явился докторъ, обошелъ больныхъ въ сопровожденіи казенной, прописалъ лекарства и кушанья.

Послѣ его ухода, сердитая казенная сложила работу и ушла внизъ, сказавъ другой:

— Если помощница спроситъ меня, скажите, что я вышла на минутку.

Другая тоже ушла въ корридоръ къ дежурнымъ разговаривать, а я осталась одна и усѣлась въ кресло, единственное во всемъ лазаретѣ, на которомъ все время сидѣла сердитая казенная.

Мнѣ было грустно, давно не испытывала я такого тяжелаго дня. Этотъ крикъ, эти постоянныя замѣчанія, эта внѣшняя чистота, безтолковая трата цѣлыхъ сутокъ—все это такъ тяжело подѣйствовало на меня, что мнѣ ужасно захотѣлось уйти, чтобы забыть этотъ день, казавшійся мнѣ тяжелымъ сномъ.

— Что вы, моя милая, спать захотѣли? услышала я позади себя ласковый голосъ.

Я оглянулась, за мною стояла младшая казенная.

— Нѣтъ, спать не хочу; такъ, скучно стало.

— А что, не весело дежурить? Я ужь замѣтила, что вамъ не по себѣ. Не привыкли вы къ такому обращенію... ну, ничего, мѣсяцъ походите—привыкнете.

— По всей вѣроятности привыкну, хотя теперь мнѣ странно и подумать, чтобы можно было привыкнуть.

— Это только сначала; мнѣ тоже казалось, что ни за что не привыкну, а теперь ужь смѣшно, когда кто нибудь удивляется. Однако 12 часовъ; пошлю дежурныхъ спать, а мы съ вами потомъ ляжемъ.

— А сколько времени даютъ спать?

— Три часа. Одна половина спитъ отъ двѣнадцати до трехъ, а другая отъ трехъ до шести.

— Отчего такъ мало?

— Да вотъ подите, и то вѣдь противъ правилъ. Директоръ вовсе не дозволяетъ спать, такъ что еслибы когда нибудь увидѣлъ, то задалъ бы всѣмъ...

— Ну, уложила! сказала она, вернувшись снова черезъ нѣсколько минутъ. Сняла со стѣны лампу, прибавила огня и взялась за работу, а я подсѣла къ ней и стала распрашивать.

— Зачѣмъ это вы такъ часто пыль вытираете—вѣдь ужь кажется, такъ чисто, что лучше и быть не можетъ.

— Да, это по вашему. Я и сама знаю, что чисто, а посмотрите,

что завтра будетъ; придетъ мадамъ Д. и непремѣнно сдѣлаетъ выговоръ, хоть вы тутъ языкомъ вылижьте, а все таки скажетъ: душенька, душенька, что это у васъ пыль вездѣ! посмотрите, посмотрите! и начнетъ мазать пальцемъ...

— Да развѣ это ваша обязанность, вѣдь это вовсе не относится къ уходу за больными; это обязанность сидѣлки.

— Да гдѣ же ихъ взять то! Слава Богу, что полы-то сидѣлки моютъ, а не мы. Я и этому удивляюсь. Сидѣлки! Зачѣмъ онѣ, когда ученицы все могутъ сдѣлать! Жаль только, что дипломовъ за это не выдаютъ: я ужь давно говорю нашимъ, что слѣдуетъ намъ требовать, чтобы кромѣ акушерскаго, выдали намъ дипломы на горничную, швею и сидѣлку, а то работаешь, работаешь и даже свидѣтельства объ успѣхахъ не получишь...

— Что же вы шьете?

— Какъ что! раздраженно воскликнула она.—Да все, что тутъ есть, все шьется нашими руками,—все, до послѣдней тряпки... на ребятъ, на больныхъ, на ученицъ, все это шьемъ мы... Вы только подумайте: я поступила въ маѣ, теперь начало сентября; цѣлое лѣто шили мы сплошь и на дежурствахъ и въ свои свободные дни и все таки еще не дошили. Да и конца не будетъ, потому что какъ кончимъ новое, такъ начнется починка стараго, а старому конца не бываетъ... Вотъ вамъ и акушерство. Я-то думала: проживу два года, по крайней мѣрѣ, выучусь и напрактикуюсь... Бѣлье шить дѣйствительно напрактиковалась, да пыль вытирать. Тошно было лѣтомъ, и ждала я осени съ нетерпѣніемъ, думала: бѣлье покончимъ, начнутся лекціи и пойдетъ ученье... Да не то выходитъ: на лекціи-то если удастся быть разъ въ недѣлю, то слава Богу...

— Какъ же это такъ?

— А такъ, что мы дежуримъ черезъ день, а лекціи у насъ, вы знаете, три раза въ недѣлю. Придется лекція въ тотъ день, какъ вы вступите на дежурство, такъ слушаете, а нѣтъ—и сидите такъ тутъ въ палатѣ. Вотъ завтра я не услышу лекціи и вчера не слышала. Да и что лекціи! Развѣ можно тутъ готовиться или читать? На дежурствѣ, вы сами видите, что̀ дѣлается, а въ классѣ Катерина Ивановна какъ только увидитъ съ книгой, сейчасъ и является. Что вы, молъ, все глупостями занимаетесь—штопайте пелеринки—ну, и штопаешь! А если штопать не дастъ, то еще хуже: велитъ передники по номерамъ переложить, или пойти въ кладовую посмотрѣть, не виситъ ли на какомъ нибудь гвоздѣ по два платья, или заставитъ перебить подушки, обвернуть одѣяла, уравнять шторы... Видѣли, небось, восхищались видомъ нашей спальни—не правда ли какъ хорошо! А я такъ

не могу смотрѣть на нее безъ злости! Знали бы тѣ, кто этой красотой, да чистотой восхищается, чего намъ она стоитъ! Такая наша жизнь здѣсь, что лучше не вспоминать!

— Зачѣмъ же вы поступили въ пансіонерки, не узнавши каково тутъ?

— Да я и не хотѣла поступать въ пансіонерки. Мамаша привезла меня къ теткѣ, чтобы я у нея жила и была вольноприходящей, а какъ пришли мы сюда записываться, директоръ и уговорилъ мамашу отдать пансіонеркой. И приметъ, говоритъ, гораздо больше, и лучше знать будетъ и выгоднѣе, потому что за 125 р. въ годъ и квартира, и пища, и одежда... Однако пойдемте по комнатамъ, посмотримъ все ли въ порядкѣ.

Обойдя лазаретъ, мы вернулись къ столу.

— Скажите, пожалуйста, спрашииала я:—отчего это вы все дѣлаете, а вотъ эта, Курилина что ли, только сидитъ, да распоряжается.

— Оттого, что она старшая.

— Да развѣ полагается младшимъ все дѣлать, а старшимъ только приказывать?

— Полагается-то не такъ, да такъ завелось. Еслибъ еще только работать на нихъ, такъ это бы куда ни шло; а то вѣдь что обидно: сколько ни работай, ничего, кромѣ выговоровъ, не дождешься. Ужь и такъ скверно, а тутъ эти старшія помыкаютъ, какъ собаченками. Да и сказать ничего не смѣешь, потому что она всегда можетъ допечь, да кромѣ того пожалуется Катеринѣ Ивановнѣ, а у той старшая всегда права. Нашихъ возраженій она и слушать не станетъ, потому что младшія должны слушаться старшихъ. Вотъ она теперь ушла спать на всю ночь, а завтра, какъ станетъ докторъ обходить палаты, будетъ докладывать, что̀ съ кѣмъ было, какъ будто она сама видѣла. Это я должна буду утромъ разсказать ей, а она съ моихъ словъ будетъ расписывать. Теперь-то еще ничего, а что̀ тутъ прежде творилось, такъ просто ушамъ своимъ не вѣришь! У насъ вѣдь и въ классѣ и въ спальнѣ такая же субординація: старшія особо, а младшія особо. И если случится сойтись вмѣстѣ, Катерина Ивановна сейчасъ и кричитъ: Зачѣмъ вы съ младшими связываетесь?

— Да кто же эта Катерина Ивановна?

— А наша классная дама. Вы вѣрно видѣли ее: старая, въ очкахъ, въ черномъ платьѣ, ходитъ на пяткахъ и кричитъ пронзительнымъ голосомъ. Она полновластная хозяйка надъ нами. мы безъ нея шагу ступить не смѣемъ, не смѣемъ безъ спроса сходить къ Шарлоттѣ за сливками или хоть на минуту подняться въ палату. Даже на дежурство идти спрашиваемся.

Вѣдь смѣхъ просто подумать—словно маленькія дѣти! многимъ изъ нашихъ подъ 30 лѣтъ, даже двѣ вдовы есть, а тутъ словно на помочахъ водятъ. Только на дежурствѣ и отдыхаемъ, а въ классѣ даже разговаривать не смѣемъ; чуть заговорятъ двѣ или три, она сейчасъ и кричитъ: тише, дѣвицы, не шумите. А сама цѣлый день оретъ. Слова спокойно не скажетъ — все съ крикомъ. Да еслибъ еще одна Катерина Ивановна, а то вѣдь тутъ всякая мразь нами помыкаетъ. Видѣли горбатенькую кастеляншу—у насъ ее называютъ чертовой перечницей—она тутъ такую роль разыгрываетъ, что просто бѣда. Какъ идетъ выдавать бѣлье, посылаетъ сидѣлку созвать всѣхъ дежурныхъ: и палатную, и родильную, и лазаретную, и до тѣхъ поръ ни за что никому не дастъ, пока всѣ соберутся. И стой передъ ней цѣлый часъ, пока очередь дойдетъ, и уйти ни на минуту не смѣй, а то такъ разозлится, что запретъ шкапъ и уйдетъ. И ходи потомъ, кланяйся ей, а она кричитъ и ругается. Или хоть такая манера: что бы ни разбилось или испортилось — все валятъ на насъ, казенныхъ, какъ будто вещи должны вѣкъ служить и не портиться. У меня недавно въ коммодѣ замокъ испортился, такъ даже смотритель и тотъ пришелъ и выговаривалъ. А 40 копѣекъ все таки съ меня взяли.

Пробило 3 часа.

— Ну, теперь пора спать, сказала вставши казенная. — Будите дежурныхъ и ложитесь сами.

Въ шесть часовъ меня разбудили. Изъ разныхъ комнатъ выходили заспанныя дежурныя, потягиваясь и охая. Всѣ спѣшили въ кухню, къ крану, умыться холодной водой, освѣжить заспанныя лица и заваривать кофе. Не успѣли напиться, какъ началась уборка. На этотъ разъ дѣло обошлось благополучно, безъ всякихъ замѣчаній, потому что старшая еще спала. Послѣ уборки подали больнымъ умыться, заварили чай и сбѣгали за булками. Это тоже входитъ въ обязанность дежурныхъ. Булки продаются у экономки въ нижнемъ этажѣ, въ кухнѣ; у этой же экономки продается для желающихъ пиво, сливки, яйца, кофе и т. п.

Хотя и мало было больныхъ, но дѣла нашлось довольно, и вездѣ видна была оживленная дѣятельность. По корридору безпрестанно бѣгали дежурныя съ кофейниками, чайниками, грязнымъ бѣльемъ, тазами, кувшинами и т. п. По дорогѣ огрызались съ сидѣлкой, которая мыла полы и ругала насъ за то, что бѣготней мѣшаемъ мыть и топчемъ мокрый полъ.

Казенная суетилась до невозможности. Она бѣгала по всему лазарету, не выпуская тряпки изъ рукъ, вытирала пыль, оправ-

ляла кровати и одѣяла, обдергивала занавѣси на окнахъ, возвращаясь къ каждому дѣлу по десяти разъ. Не успѣвая вездѣ сама, она ежеминутно кричала намъ:

— Дежурныя, уберете все въ шкапъ, чтобы ничего не было на окнахъ!

— Опять вы сдвинули стулъ? Поставьте его на мѣсто!

— Поправьте покрывало на кроваткѣ!

Мы бѣгали отъ одного предмета къ другому, поправляя, передвигая, обдергивая и устанавливая. А по корридору безпрестанно пробѣгала помощница, крикливо отдавая приказанія, замѣчанія и выговоры. Суматоха была общая.

Заплакалъ въ это время ребенокъ; я пошла перепеленать его; необходимо было прежде обмыть его. Я взяла тазикъ и пошла было за теплой водой, но не успѣла дойти до двери въ корридоръ, какъ казенная догнала меня, выхватила тазикъ и раскричалась:

— Да вы съума сошли! Я все убрала, приготовила, а вы опять тащите.... Сейчасъ директоръ идетъ.

— Надо же обмыть ребенка!

— Это еще что за нѣжности.... Откуда вы такую моду вывезли.... Еще обмывать ихъ!

Пришлось покориться.

— Ахъ, Боже мой, воскликнула вдругъ казенная: — чуть не забыла. Голубушка! идите въ каминную, уберите мокрыя пеленки и завѣсьте вѣшалку зеленой занавѣской.... она тамъ же виситъ!

— А куда же ихъ спрятать? Я брошу въ грязное....

— Какъ въ грязное? что это вы все глупости говорите! Въ шкапчикъ спрячьте.... къ больной! Какъ пройдетъ директоръ, такъ опять развѣсить надо.

У одной бабы ребенокъ сосалъ грудь. Казенная замѣтила и говоритъ.

— Возьмите ребенка и положите въ кроватку.

— Да онъ цѣлую ночь спалъ и не ѣлъ, а теперь только что началъ сосать.

— Мало ли что! Послѣ успѣетъ наѣсться....

— Да вѣдь хуже, если онъ кричать будетъ.

— А вы уймете, на то вы дежурная.

А сама все бѣгаетъ, вытираетъ и обдергиваетъ.

Наконецъ, въ корридорѣ кто-то крикнулъ: идетъ, идетъ! раздалась бѣготня, помощница бѣгомъ пронеслась по корридору внизъ, а дежурныя разбѣжались по комнатамъ и стояли въ ожиданіи. Наступила тишина. Черезъ нѣсколько минутъ въ корри-

дорѣ раздался топотъ нѣсколькихъ человѣкъ. Заходили по очереди въ каждую комнату, наконецъ, зашли и въ нашу: впереди всѣхъ шолъ директоръ, за нимъ русскій профессоръ, затѣмъ два доктора, за докторами какая-то старушонка въ коричневомъ платьѣ, за старушонкой помощница, за помощницей наша старшая казенная. Въ фигурѣ и лицѣ профессора выражалось снисходительное уваженіе къ старости и высокому посту шедшаго впереди старика; доктора шли съ какимъ-то трепетомъ и благоговѣніемъ, съ озабоченными лицами, вытянувъ руки по швамъ; старушонка и помощница изподтишка ехидными взорами поглядывали по сторонамъ, какъ бы обнюхивая воздухъ и высматривая добычу, а старшая казенная показывала имъ въ спину языки и гримасничала, подмигивая и кивая намъ.

Директоръ шелъ прямо, не поворачивая головы, и глядя черезъ очки; подошелъ къ кровати больной и остановился; остановился и весь кортежъ. Онъ пощупалъ у больной пульсъ, и спросилъ:

— Лихорадки не было? и, не дождавшись отвѣта, повернулся и подошелъ къ другой кровати.

Обойдя всѣ комнаты, онъ повернулъ назадъ. Свита провожала его, отставая понемногу, кромѣ старушонки, которая слѣдовала по пятамъ.

— Достанется намъ отъ Клеопатры! объявила казенная:—должно быть нашла что нибудь не такъ! Замѣтили, какъ она глазами ворочала. Сейчасъ прибѣжитъ ругаться.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ прибѣжала помощница и раскатилась.

— Что вы за дежурныя! Ужь на полчаса порядка устроить не можете. Въ особой комнатѣ занавѣски до сихъ поръ не отдернуты! вѣдь я вамъ двадцать разъ сегодня говорила о нихъ, неужели мнѣ самой отдергивать? Я просто директору скажу, что вы слушаться не хотите!

— Да вѣдь солнце, Клеопатра Алексѣевна! и больнымъ, и дѣтямъ въ глаза. Доктора не велятъ большого свѣта пускать.

— А мнѣ что за дѣло до вашихъ докторовъ. Сказано вамъ, чтобы все было въ порядкѣ, такъ не ваше дѣло мудрить. Скажите, пожалуйста, важныя птицы! солнце въ глаза!

— Ну, вотъ, я вамъ говорила, обратилась ко мнѣ казенная:— а вы все свое. Вотъ изъ-за васъ замѣчанія получай: нѣтъ ужь въ другой разъ хоть ослѣпни—мнѣ все равно!

Наконецъ, всѣ ушли, грязныя пеленки опять вытащили изъ шкапа и развѣсили, дѣтей роздали матерямъ, дежурныя вытащили свои вещи изъ шкаповъ и принялись за обычныя занятія. Время тянулось невыносимо долго. Всѣ были сонныя, поочеред-

но зѣвали, потягивались, смотрѣли на часы и считали, сколько еще осталось.

Наконецъ, пробило 12 часовъ. Я собрала свои вещи и пошла было къ двери.

— Вы куда идете? крикнула казенная.

— Домой! Вѣдь двѣнадцать часовъ.

— Такъ чтожь, что двѣнадцать! во-первыхъ, вы должны проситься у помощницы; а во-вторыхъ, дождаться, пока кто-нибудь васъ смѣнитъ; раньше васъ помощница не отпуститъ.

— Долго ли полагается ждать?

— Я говорю вамъ, пока придутъ смѣнить.

— Стало быть, можетъ случиться, что и часъ, и два?

— Конечно.

— А если вовсе не придутъ?

— Ну ужь этого я не знаю, это дѣло помощницы.

Я стояла въ нерѣшимости; мнѣ непремѣнно нужно было идти.

— Чего вы думаете! начала вполголоса вольноприходящая, собиравшая въ это время свои вещи:—пойдемте! Чего тутъ дожидаться! Можетъ, до трехъ часовъ никто не придетъ — намъ что за дѣло. Мы въ свое время пришли, въ свое и уйдемъ.

— Да все равно остановятъ.

— Вотъ еще! никто и не замѣтитъ!

Мы сошли внизъ; у шкапа уже стояли раздѣвавшіяся и одѣвавшіяся дежурныя; мы достали свои вещи, вышли па крыльцо, тамъ одѣлись и ушли.

— Тутъ вѣдь половина такъ дѣлаетъ, говорила дежурная: — и вы примите это къ свѣдѣнію. Пусть заставляютъ приходить во время!

— Ну, что? какъ вамъ понравилось дежурство? спрашивали меня на другой день подруги.

— Да право, я еще ничего не могу сказать. По вашимъ разсказамъ, я ожидала худшаго.

— Это вы такъ хладнокровно говорите послѣ одного раза. Вѣдь я тутъ уже съ мая мѣсяца, а лѣтомъ мы дежуримъ на четвертый день.

— Да зачѣмъ же вы поступили въ маѣ, когда лекціи начинаются въ концѣ августа?

— А почемъ я знаю! Пріѣхала я изъ Таганрога, знакомыхъ у меня не было. Я и отправилась прямо сюда узнать обо всемъ. А меня сейчасъ же и заставили записаться. Я не хотѣла, говорила, что буду ждать начала лекцій, а мнѣ говорятъ, что въ августѣ ужь не будетъ вакансій — что прикажете дѣлать? поневолѣ записалась, да и дежурила цѣлое лѣто ни за что, ни про что.

— Да кто же это вамъ такъ навралъ?

— А кто ихъ знаетъ! я ужь и не помню. Да это все равно, кто бы ни сказалъ—всѣ и всѣмъ говорятъ одно и тоже, потому что если начать принимать съ августа, то кто же будетъ работать цѣлое лѣто? Придется сидѣлокъ нанимать.

IV.

Втсрое дежурство.

Пришла я второй разъ на дежурство, опять послали меня въ лазаретъ. Вошло насъ туда нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ.

Старшая казенная, увидя насъ, вдругъ вскочила съ мѣста и раскричалась:

— Что это, въ самомъ дѣлѣ, какихъ дежурныхъ все посылаютъ! Не стану же я за всѣхъ работать! Посылаютъ такихъ, которыя ничего не умѣютъ дѣлать! Отъ этихъ порядковъ хоть вонъ бѣги.... Ну, куда я ихъ пошлю? что я съ ними буду дѣлать?...

— Ну, что вы глупости говорите, вступилась другая.—Всегда въ лазаретъ посылаютъ новенькихъ, а чѣмъ эти хуже другихъ? Всѣ сначала ничего не умѣютъ, а потомъ не хуже васъ будутъ умѣть. Если бы всѣ все знали, то не поступали бы сюда учиться

— Надоѣло ужь мнѣ учить всѣхъ!

— Мало-ли что надоѣло, на то вы казенная.

— Ну, чего вы стоите, крикнула на насъ дежурная: — идите вы сюда, а вы по одной въ тѣ комнаты.

Этотъ разъ дѣла оказалось пропасть. Лазаретъ былъ полонъ и все трудно больными; ежеминутно приходилось обмывать, перемѣнять ледъ и компрессы, а за льдомъ надо бѣгать на лѣстницу, куда его приноситъ въ ведрѣ сидѣлка. Къ вечеру у меня болѣли ноги и спину ломило отъ усталости, тѣмъ болѣе, что если и выдавались свободныя минуты, то на маленькихъ деревянныхъ стульяхъ невозможно было отдохнуть. Я взяла изъ шкафа свой большой платокъ и положила на стулъ, чтобъ хоть сколько-нибудь было помягче. Выйдя за чѣмъ-то и вернувшись, я не нашла его на стулѣ, а отыскался онъ уже въ шкапикѣ около кровати. Черезъ нѣсколько минутъ я опять вышла, и вернувшись застала казенную около своего стула. Изъ корридора уже слышала я, что она на кого-то кричала. Едва я показалась въ дверяхъ, какъ она закричала на меня:

— Это вы тутъ изволите платки по стульямъ разбрасывать!

Я убираю, убираю, а онѣ словно насмѣхаются! Нечего сказать дежурныя! За ними еще убирай. Смотрите, пожалуйста! я положила въ шкафъ, а она опять вытащила. Придетъ помощница, такъ не съ васъ спроситъ, а съ меня—я за всѣхъ отвѣчай.

— Я не разбрасываю, а нарочно положила на стулъ, чтобы не такъ жестко было, а то у меня ужь спина болитъ....

— А мнѣ какое дѣло! Спина болитъ, такъ не поступали бы сюда, а сидѣли бы дома! Я за васъ замѣчанія получать не намѣрена. Извольте спрятать платокъ! И она швырнула его мнѣ на руки.

Этотъ день отличался отъ перваго только бо̀льшимъ количествомъ дѣла, остальное было все тоже: обѣдъ, уборка, купанье дѣтей, ужинъ. За обѣдомъ также хватали, что попало, также острили надъ кушаньями; помощница также бѣгала по корридору, заглядывала въ двери и дѣлала глупѣйшія замѣчанія. Только изъ-за льду были цѣлый день ссоры. И въ лазаретѣ, и въ палатахъ чуть не всѣмъ больнымъ клали ледъ, а его было только одно ведро. Въ нѣсколько пріемовъ его разбирали, и тогда начиналась исторія. Мы бѣжали отъискивать сидѣлку, сидѣлка ругалась и не хотѣла идти.

— Цѣлые дни только за льдомъ бѣгай, скоро ноги отморозишь, не легко его доставать-то!

Мы упрашивали, она ничего не хотѣла слушать. Мы бѣжали съ докладомъ къ казенной; она уже заранѣе начинала ругаться, швыряла, что ни попадало подъ руку и бѣжала ругаться съ сидѣлкой, и ругалась до тѣхъ поръ, пока сидѣлка, хотя и не хотя, и съ ворчаніемъ брала ведро и уходила за льдомъ.

Въ 12 часовъ, велѣли половинѣ изъ насъ идти спать. Пошла я отъискивать себѣ мѣсто, но нигдѣ не оказалось свободнаго. Всѣ кровати были заняты или больными, или дежурными, успѣвшими раньше меня захватить ихъ: даже въ корридорѣ на клеенчатыхъ носилкахъ спала ученица. Я пошла въ палату; больныхъ въ ней не было; на 2-хъ кроватяхъ улеглись дежурныя. Только стала я укладываться на третьей, какъ ко мнѣ подбѣжала палатная казенная.

— Вы гдѣ дежурите?

— Въ лазаретѣ.

— Какъ же вы смѣли придти сюда? Вѣдь вы знаете, что изъ лазарета нельзя ходить въ палату? Господи, что за мука съ ними! Чуть не усмотришь, сей-часъ что-нибудь натворятъ! Уходите, уходите! нечего смотрѣть-то! Въ лазаретѣ дежурите, такъ въ лазаретѣ и спите...

— Да тамъ негдѣ.

— А мнѣ что за дѣло! найдите себѣ мѣсто! Вы и носа въ палату показать не смѣйте, не то что спать!

— Не на полъ же мнѣ лечь!

— А я почемъ знаю... гдѣ хотите, тамъ и ложитесь...

Нечего дѣлать, пошла я въ лазаретъ, вытащила у спавшей дежурной изъ подъ головы одну подушку и улеглась на деревянной скамьѣ въ корридорѣ.

Какъ ни было жестко, но я такъ устала, что сейчасъ же заснула, за то когда разбудили въ три часа, бока болѣли, словно послѣ мушки.

Самое это непріятное—спать отъ 12 до 3-хъ! Во всякомъ случаѣ спать три часа мало, особенно послѣ 12 часовъ безпрестанной бѣготни и работы, но отъ 3-хъ до 6-ти все таки лучше: тутъ уже всѣ встали, на дворѣ почти свѣтло, сейчасъ же начинается убирка и оживленная дѣятельность. А ляжешь въ 12 до трехъ едва успѣешь разоспаться, какъ ужь будятъ. Въ корридорѣ и въ палатахъ холодно, никогда не бываетъ больше 12°, вездѣ тишина, развѣ изрѣдка слышится храпъ больныхъ и дежурныхъ, да изъ отдаленной родильной доносятся стоны и крики рожѣницъ.

Пошла я въ лазаретъ, обошла всѣхъ больныхъ; перемѣнила ледъ и компрессы и стала ходить, чтобы разогнать сонъ и согрѣться.

— Что это вы расходились! мало еще устали! идите сюда, позвали меня дежурныя, собравшіяся къ одному столу.

— Да холодно—хочу согрѣться.

— А вы что-жь кофе не заварите?

— Да кипятку нѣтъ и плита еле топится.

— А вы не догадались заварить заранѣе, съ вечера?

— До кофе ли тутъ было! да я думала, что всегда кипятокъ бываетъ.

— Видно, мало еще опытны; всегда слѣдуетъ заваривать съ вечера, пока есть кипятокъ, а ночью и разогрѣть, всѣ такъ дѣлаютъ. Ну, сегодня садитесь и пейте съ нами. — мы васъ угостимъ.

Я усѣлась съ ними.

— Вы, вѣрно, недавно дежурите?

— Второй разъ.

— А я даже подумала, что первый, какъ увидѣла, что вы спите въ корридорѣ на скамейкѣ.

— Да гдѣ-же лечь, когда мѣста нѣтъ? Я было ужь въ палату забралась, да едва ноги оттуда унесла.

— Да, лазаретнымъ вѣдь нельзя ходить ни въ родильную, ни въ палаты—чтобы больныхъ не заразить...

— Ахъ, какія это все глупости! перебила другая.—Намъ нельзя, а докторамъ и помощницамъ можно! Ужь если зараза переносится, такъ переносится всѣми; не особенныя же мы, что только мы переносимъ ее. И былъ бы лазаретъ совсѣмъ отдѣльно, а то вѣдь изъ лазарета есть дверь въ палату, и корридоръ тотъ же самый.

— А еще лучше, лазаретныхъ дѣтей носятъ купать черезъ родильную! Сначала, я тоже вѣрила всему этому, а теперь вижу, что заразы тутъ никакой нѣтъ.

— Ну, да охота говорить объ этомъ. Лучше скажите намъ вотъ что, вы нѣмка?

— Нѣмка.

— Зачѣмъ васъ водятъ по субботамъ на верхъ?

— У насъ бываютъ практическія лекціи.

— Что это такое значитъ?

— Учатъ насъ изслѣдовать.

— Скажите, пожалуйста, какъ хорошо! А у насъ этого не бываетъ. Что же это значитъ?

— Ну, я ужь этого не знаю. Я была увѣрена, что и васъ тоже водятъ.

— Нѣтъ, не водятъ. А вѣдь это въ самомъ дѣлѣ странно... Впрочемъ, я давно уже слышала, что съ нѣмками занимаются гораздо лучше, чѣмъ съ нами; только я думала, что это пустяки, а теперь вижу, что правда.

— Такъ о чемъ же вашъ профессоръ думаетъ?

— А я почемъ знаю, о чемъ онъ думаетъ!

— Ахъ, Боже мой! возразила другая, это очень просто: нѣмокъ всего 30, а насъ 120, извольте насъ всѣхъ учить, у него и времени не хватитъ..

— Да за то, у васъ, кромѣ профессора, два репетитора, раздѣлили-бы на три группы и вышло бы по 40.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, это очень просто.

— Просто-то просто, да зачѣмъ, когда по теперешнему еще проще?!

— Да зачѣмъ же такъ много набираютъ?

— А затѣмъ, что взносы ученицъ идутъ на награды. Чѣмъ больше ученицъ, тѣмъ больше наградъ.

— Ну, это хоть понятно, вступилась другая: — кто откажется отъ своей выгоды? Такъ, по крайней мѣрѣ, порядки бы настоящіе завели. Напримѣръ, хоть-бы это дежурство по родильной! вѣдь дежурство по родильной заключается главнымъ образомъ въ томъ, что

вы учитесь изслѣдовать, потому что изслѣдуете каждую бабу, какъ только она придетъ, и потомъ все время, какъ родитъ. Вы, вотъ, нѣмки, раньше, хоть немного привыкнете, а мы только на этихъ дежурствахъ и можемъ научиться, а между тѣмъ дежурить по родильной начинаютъ послѣ того, какъ приняли по три. Такъ что этихъ трехъ мы принимаемъ, какъ въ потемкахъ; вотъ и представьте себѣ, что должна знать та, которая приняла всего на всего четырехъ. Вѣдь первые три раза вы принимаете у многородящихъ, которыя приходятъ за часъ, за два до родовъ. Пока вы ее раздѣнете, да уложите, анъ смотришь—она уже и родила. Коли успѣли изслѣдовать разъ, такъ и то слава Богу!

— Однакожь, мы разболтались, спохватилась я: — а о больныхъ и позабыли! Надо перемѣнить ледъ и компрессы и вообще посмотрѣть, не надо ли чего?

— Что за глупости? сидите! понадобится что̀, такъ сами позовутъ!

— Ну, ледъ перемѣнить не позовутъ!..

— Велика бѣда—полежатъ часъ и безъ льда!..

— Успѣемъ вѣдь еще наговорится! сказала я и пошла къ больнымъ.

Всѣ нехотя встали и разбрелись по комнатамъ.

— А частные уроки вы у кого берете? спрашивали меня дежурныя, когда мы снова собрались: — у профессора или репетитора?

— Ни у кого не беру.

— А другія?

— Не знаю; да я не слыхала, чтобъ наши профессора давали частные уроки. Развѣ ваши даютъ?

— А какъ же! И профессоръ и репититоръ.

— И всѣ занимаются у нихъ?

— Нѣтъ, не всѣ,—но многія.

— И даромъ?

— Нѣтъ, 15 рублей съ ученицы за первый курсъ, и столько же за второй.

— Что-жъ они, больше объясняютъ что ли?

— Нѣтъ; почти то же самое.

— Такъ за что же деньги платить?

— Какъ за что? все лучше будешь знать и кромѣ того... И здѣсь его лекціи очень интересны, а на дому мы просто со смѣху помираемъ отъ его анекдотовъ. Какъ кончится лекція, такъ не замѣтишь, какъ и время прошло...

— Это вы такъ-то изволите дежурить! воскликнула казенная,

появляясь въ дверяхъ. — Вотъ оставь ихъ на полчаса!.. Только кофеи распиваютъ...

Въ шесть часовъ опять была уборка, а послѣ нея началась та же суматоха. Казенная опять бѣгала съ тряпкой, вытирая и перетирая, ворча себѣ подъ носъ и покрикивая на насъ. Наши вещи она швыряла съ оконъ, мы клали въ шкапъ, она принималась за шкапы и выбрасывала ихъ оттуда. Дежурныя хохстали, сердились и опять прятали по шкапамъ. Опять явилась помощница и забѣгала взадъ и впередъ.

Вдругъ, словно изъ подъ земли, выросла старушонка, которую я замѣтила въ свитѣ директора, остановилась посреди комнаты и разлилась звенящимъ голосомъ. Это что за грязь? посмотрите, что за полъ? онъ три дня не мытъ! позовите сидѣлку! чтобъ сейчасъ вымыла! вотъ и дежурныя, вотъ и помощницы! Посмотрите, Татьяна Николаевна, тарантила она, обращаясь къ входящей помощницѣ, какъ тутъ полъ вымытъ! Эти сидѣлки — ничего не дѣлаютъ!

— Послушайте, мадамъ Д., я сама видѣла, какъ мыли полъ.

— Ужь я не знаю, видѣли вы или нѣтъ, а только вижу, что полъ грязный.

А полъ блестѣлъ какъ натертый воскомъ и пятнышка не было не малѣйшаго, но сидѣлка явилась и принялась вытирать.

Эта старушонка бѣсила меня впродолженіе цѣлаго года больше всего. Она являлась только разъ въ день провожать директора и почти каждый разъ заводила исторію изъ за воображаемой пыли, сдвинутаго стула и т. п. Иногда она являлась на полчаса по вечерамъ, усаживаясь съ помощницей въ корридорѣ, и болтала о «хорошихъ домахъ», въ которыхъ она принимаетъ, разсказывая о нихъ всякія сплетни. Два раза при мнѣ зашла она въ родильную и рѣшилась изслѣдовать, и оба раза положительно осрамилась.

А между тѣмъ она постоянно во все лѣзла, вмѣшивалась, распрашивала и ни съ того, ни съ сего вдругъ отдавала какое-нибудь приказаніе, чтобы только показать свою власть.

Разъ на моемъ дежурствѣ заболѣла одна воспитанница. По какому-то случаю, въ этотъ день не было визитаціи. Въ 12 часовъ ночи явился наконецъ дежурный. Осмотрѣвъ ученицу, онъ нашелъ, что у ней оспа и велѣлъ тотчасъ же перенести ее въ лазаретъ, чтобы предупредить заразу. Въ лазаретѣ въ это время было всего двѣ больныхъ, такъ что 7 комнатъ стояли пустыя, изъ нихъ 4 по 2 окна и три маленькія по одному. Ученицу помѣстили въ комнатѣ съ 2 окнами.

Утромъ является мадамъ Д., зная уже отъ своихъ клевретовъ о случившемся, и пристала къ помощницѣ.

— Полтавскую перенесли ночью въ лазаретъ?

— Перенесли по распоряженію дежурнаго доктора.

— Не зачѣмъ было дѣлать это ночью, можно бы подождать до утра.

— Онъ велѣлъ сдѣлать это тотчасъ же, чтобы предупредить заразу.

— Все это глупости. — По крайней мѣрѣ, отчего не сказали мнѣ.

— Оттого, что это было въ 12 часовъ, и вы уже спали...

— Только глупости дѣлаютъ, ворчала она.—Зачѣмъ ее положили въ большую комнату, когда маленькія пусты?

— Да вѣдь и большія пусты. Докторъ велѣлъ положить въ самую лучшую, потому что оспа больше всякой другой болѣзни требуетъ свѣжаго воздуха.

— Это все пустяки; надо перенести ее въ маленькую. Позовите сидѣлокъ и пусть перенесутъ.

Пришли сидѣлки и перенесли бѣдную дѣвушку въ маленькую комнатку въ одно окно, да еще въ добавокъ сообщающуюся дверью съ палатой, въ которую кладутъ свѣжихъ родильницъ. По счастью, помощница подзадорила доктора, тотъ доложилъ директору, что лучше бы положить въ большую комнату, и директоръ разрѣшилъ.

Въ другой разъ, случилось, что поссорились двѣ ученицы: казенная съ вольноприходящею. Вольноприходящая, пожилая барыня, побѣжала съ жалобой къ мадамъ Д. Та явилась и начала читать казенной нотаціи.—Это дерзко, это невѣжливо! Вы и со всякимъ должны быть вѣжливы, а тѣмъ болѣе съ Савельевой: у ней такія связи, такое родство! я принимала ея родныхъ и меня такъ хорошо благодарили.

Долго я не могла добиться, что такое эта мадамъ Д.. Всѣ надъ ней смѣялись, помощницы не стѣснялись высказывать свое мнѣніе о ней при насъ, а между тѣмъ докладывали ей обо всемъ и она вмѣшивалась во всѣ ихъ распоряженія. Въ концѣ года уже узнала я, что мадамъ Д. называется старшею бабкой, и наши помощницы именно ея помощницы, и главная обязанность всѣхъ четырехъ заключается въ практическомъ обученіи насъ акушерству.

Но дѣйствительность такъ мало согласовалась съ этимъ, что я долго не могла привыкнуть къ этой мысли. За цѣлый годъ я видѣла мадамъ Д. каждый день въ хвостѣ директора, но въ родильной всего два раза, а у помощницъ эта обязанность такъ

ступевывалась за всѣми другими, что ни мнѣ, ни кому другому никогда не приходило въ голову, чтобы это было главной обязанностью ихъ. Мы всѣ думали, что главное дѣло ихъ надзоръ за пылью, выдача масла, мыла и т. п. Другого понятія и вывести нельзя было. Помощницъ были три. Дежурили онѣ по очереди. Дѣла всегда было по горло: цѣлый день онѣ бѣгали, кричали, распоряжались, принимали рапорты отъ казенныхъ, сами рапортовали директору, докладывали всякую малость мадамъ Д., раздавали обѣдъ, выдавали лекарства, мыло, свѣчи и т. п. Все это отнимало столько времени, что въ родильную онѣ являлись только въ минуты крайней необходимости, а въ остальное время только заглядывали, спрашивая все ли въ порядкѣ, такъ что ученицамъ предоставляется учиться самимъ и понимать, какъ могутъ. Если же и случалось, что приходила помощница въ родильную и усаживалась, то ее обыкновенно тотчасъ же вызывали. Дайте масла, дайте мыла! Докторъ прописалъ порошокъ—пожалуйте его! Пожалуйте раздавать обѣдъ. Ванна готова, пожалуйте смотрѣть! Такія требованія слышались ежеминутно.

И цѣлый день несчастная помощница бѣгаетъ, выдаетъ, смотритъ, раздаетъ, набѣгается до того, что вечеромъ едва волочитъ ноги, а ночью тоже нѣтъ покоя. Не успѣетъ заснуть — будятъ!

Пришла баба—пожалуйте изслѣдовать! Сейчасъ роды—пожалуйте!

И приходитъ она злая, и кричитъ на принимающихъ, и рветъ изъ рукъ, и дергаетъ, и никакъ на нее не угодишь.

К. К.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ*).

ЗАПИСКИ АКУШЕРКИ.

V.

Третье дежурство.

Пришла я въ третій разъ дежурить и опять отправилась въ лазаретъ.

— Что̀, опять въ лазаретъ? встрѣтили меня дежурныя.—Экое намъ счастье какое!

— Ну, мнѣ все равно, успѣю еще перебывать вездѣ; тутъ, по крайней мѣрѣ, все знакомое.

И въ этотъ разъ дѣла опять было достаточно, но новаго ничего не имѣлось: ледъ, компрессы, пеленки, и опять ледъ, компрессы и т. д. Я уже знала, гдѣ что лежитъ, какъ что надо дѣлать и за распросами ни къ кому не обращалась. Но и въ этотъ разъ младшая казенная гораздо лучше старшей. Старшая — маленькая, толстенькая особа, съ тихими вкрадчивыми манерами и такимъ же голосомъ, сама ничего не дѣлала, но за то цѣлый день шаталась изъ комнаты въ комнату и постоянно дѣлала намъ, приходящимъ, замѣчанія. Все было не такъ, не по ея. Пойдете ли за пеленками: пожалуйста, двигайтесь скорѣй; видите, сколько дѣла. Прикладываешь компрессъ: суше выжимайте, а то опять потечетъ! Пожалуйста, не тратьте много бѣлья! Пожалуйста...

За нѣсколько часовъ она такъ надоѣла мнѣ, что я готова была уйти съ дежурства. Кстати, и помощница попалась злющая: голосъ ея ежеминутно раздавался въ корридорѣ; брань, выговоры и угрозы такъ и сыпались.

Послѣ обѣда, которымъ я не пользовалась, я усѣлась на окнѣ и ста ѣсть принесенный съ собою пирогъ. Вдругъ явилась старшая, сѣла рядомъ со мной и стала смотрѣть мнѣ въ ротъ.

— Вы что-же не обѣдали? спросила она.

— Я не ѣмъ здѣшняго обѣда, и всть ношу съ собой.

Она все сидѣла, а мнѣ неловко становилось ѣсть. Я собрала узелокъ и перешла на другое окно. Она опять сѣла рядомъ.

— Что это вы ѣдите?

— Пирогъ.

— Съ рыбой кажется?

— Съ рыбой.

— Должно быть вкусный.

— Да, вкусный.

Она съ небрежнымъ видомъ перебирала мой узелокъ.

Я опять собрала его и ушла.

Я давно знала, что для того, чтобы казенныя хорошо обращались, надо угощать ихъ и тогда же дала себѣ слово не дѣлать этого.

Притомъ-же, меня бѣсила ея назойливость. Еслибы она просто попросила, я бы дала съ большимъ удовольствіемъ, хотя она мнѣ и не нравилась. Но угощать самой, да еще кускомъ пирога я бы никогда не рѣшилась — это была бы явная взятка, и самая грубая.

За то тутъ же немедленно оказались послѣдствія моей строптивости. Казенная, нисколько не стѣсняясь, стала кричать на меня каждую минуту, перегоняя меня изъ комнаты въ комнату, находя въ каждомъ моемъ дѣйствіи неправильность, медленность, нерадѣніе.

— Допечетъ она васъ сегодня, сказала мнѣ дежурная.

— А чортъ съ ней—мнѣ все равно.

— Зачѣмъ вы ей пирога не дали! Вѣдь она только что не сказала, что ей хочется его.

— Вотъ еслибъ просто сказала, такъ я бы дала...

— Ну, просто никто не скажетъ, сами должны догадаться... Вѣдь здѣсь ужъ такъ принято: никто и чаю не напьется, чтобъ не позвать казенную.

— Ну, пусть ее кричитъ, а я подъѣзжать не стану.

— Это воля ваша, только смотрите, не покайтесь... Смотрите, идетъ... ишь какъ глядитъ на васъ!

Казенная усѣлась въ кресло, и дѣйствительно искоса и надуто посматривая на меня. Вдругъ вбѣжала другая казенная Грѣшкова, и, обратясь къ ней, захлебываясь, стала расказывать:

— Вообразите королинину пакость.

Катерины Ивановны нѣтъ дома, обѣдали мы безъ нея, второе блюдо было селедка. Вѣдь вы знаете, что я не могу ее ѣсть, у меня и безъ нея постоянное разстройство желудка, и съ самаго моего поступленія мнѣ всегда давали вмѣсто нея кусокъ мяса, а сегодня эта дрянь сейчасъ же воспользовалась отсутствіемъ

Катерины Ивановны и не дала мяса. Ну, я обратилась къ помощницѣ, та послала требованіе и мнѣ прислали... какъ вы думаете, чего? — Каши! Да не съ масломъ, а съ саломъ... Если не вѣрите, подите, сами понюхайте... Я не могу этого вытерпѣть... пойду и брошу эту кашу ей въ морду!

Наша старшая начала ее уговаривать.

— Не дѣлай ты этого, моя милая, не дѣлай, послушай моего совѣта: я тебѣ добра желаю. Ужь если хочешь что сдѣлать, пойди къ Татьянѣ Николавнѣ и ей пожалуйся...

— Ахъ Боже мой! ходила ужь, она только плечами пожимаетъ. А я вѣдь ѣсть хочу! Да и чтожь это за свинство, вѣдь такъ въ другой разъ просто корокъ сухихъ пришлютъ, а я буду молчать!...

— Чтожь дѣлать... Богъ съ ними! Ужь намъ ихъ не исправить...

Долго продолжался разговоръ въ этомъ тонѣ. Грѣшкова наконецъ успокоилась, но вернувшись внизъ и вѣроятно подстрѣкаемая менѣе благоразумными подругами, сбѣжала въ кухню и высказала Каролинѣ всю правду въ глаза. По всей вѣроятности она выражалась рѣзко, потому что вечеромъ прибѣжала къ намъ другая казенная и разсказала, что Катерина Ивановна вернулась; Каролина ходила къ ней съ докладомъ, и Катерина Ивановна такъ допекла Грѣшкову, что она опять лежитъ въ истерикѣ.

— Скажите пожалуйста, спрашивала я потомъ младшую казенную: — развѣ васъ тоже скверно кормятъ?

— А какъ бы вы думали? Мы получаемъ почти такой же обѣдъ, какой вы, стало быть, сами можете судить..

— Да развѣ никто за этимъ не смотритъ, или не обязанъ смотрѣть?

— За нашимъ обѣдомъ должна смотрѣть Катерина Ивановна. Она и смотритъ.

— Да какое же это смотрѣнье?

— А самое такое, какое ей слѣдуетъ... Такъ и смотритъ, что насъ кормятъ хуже свиней, а у ней за то поскольку живутъ племянники да племянницы, и сама она ѣстъ отлично, и сколько бы у ней гостей не было, получаетъ для нихъ угощеніе даромъ. Вѣдь наша Катерина Ивановна такое золото, что и вообразить себѣ нельзя. Представьте себѣ, до чего доходитъ ея дерзость. Заболѣла у насъ одна ученица тифомъ. Когда она стала выздоравливать, прописывали ей вино, икру, виноградъ и т. д. Директоръ разщедрился и посылалъ ей все это отъ себя, все шло черезъ руки Катерины Ивановны, а ученица обо всѣхъ этихъ пред-

метахъ не слыхала. Когда ученица выздоровѣла, директоръ поздравилъ ее, и сказалъ, что очень радъ, что могъ хоть сколько нибудь способствовать этому. Ученица молчала, а онъ и спрашиваетъ, понравились ли ей: вино, виноградъ и все остальное. Катерина Ивановна, стояла за спиной директора, ужасно волновалась и дѣлала ученицѣ самые разнообразные знаки. Удивленная ученица пробормотала благодарность, а по уходѣ директора, получила отъ Катерины Ивановны бутылку дешеваго вина, кусочки сухой икры и фунтъ кислаго винограду. Вотъ и извольте требовать здѣсь чего нибудь!

— Ну, а кромѣ Катерины Ивановны никого нѣтъ, кто бы обязанъ былъ контролировать Королину.

— А кто ихъ знаетъ, можетъ быть по какимъ нибудь уставамъ и есть кто нибудь, но на дѣлѣ никого не знаю. Королина полноправная хозяйка, дѣлаетъ все, что хочетъ, и только въ концѣ мѣсяца подаетъ въ комитетъ счетъ. И какая путаница и глупость, такъ просто на удивленіе. Вы видѣли, напримѣръ, что каждый день ей посылаютъ письменное требованіе, составленное по назначенію доктора и подписанное помощницею. Казалось бы, что при представленіи счета она должна представить и эти требованія и на основаніи ихъ счетъ. А дѣлается гораздо проще:—требованія не представляются, а она просто подаетъ общій счетъ и по немъ получаетъ деньги. Разъ и случилась такая исторія, что въ мѣсяцъ вышло чуть ли не 90 куръ, хотя на самомъ дѣлѣ можетъ быть всего три раза подавался куриный бульонъ одной больной... Директора поразила эта цифра и онъ велѣлъ, чтобы этого впредь не было. Съ тѣхъ поръ куры въ счетѣ исчезли, но за то выходитъ двойное количество говядины.

— Да что-же помощницы-то смотрятъ.

— Что-же помощницы могутъ сдѣлать? Вы знаете, что и помощницы получаютъ казенный столъ. Представьте себѣ, что она и имъ подаетъ такую же мерзость, развѣ не много получше, такъ онѣ и о себѣ-то не хлопочутъ, потому что знаютъ, что только непріятности наживутъ, такъ что-же тутъ говорить о насъ и о больныхъ.

— Послушайте, спрашивала я казенную, скажите пожалуйста, какъ это у васъ такъ подобрались курсы, что старшія всѣ такія злючки, а младшія почти всѣ хорошія. Вѣдь это странно.

— Ничего тутъ страннаго нѣтъ и нисколько онѣ не подобрались такія злыя. Мы не лучше ихъ и разница только въ томъ, что мы пробыли только нѣсколько мѣсяцевъ, а онѣ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Черезъ нѣсколько времени мы всѣ навѣрное будемъ такія же. Вѣдь мы тутъ въ такомъ положеніи, что если

разсказывать, такъ не всякій повѣритъ. Замѣтили ли вы, напримѣръ, дѣвчонку Анютку.... она постоянно вертится въ классномъ корридорѣ. Она считается нашей горничной, хотя никогда пальцемъ для насъ не пошевелила, и служитъ Катеринѣ Ивановнѣ для наушничества. Она постоянно подслушиваетъ за нами и доноситъ. При всемъ этомъ она глупа и зла. И этой то самой Анюткѣ Катерина Ивановна поручаетъ въ свое отсутствіе выдавать намъ сахаръ, полагаясь болѣе на ея честность, чѣмъ на нашу, и докладывать ей, какъ мы себя вели. И Анютка такъ входитъ въ свою роль, что кричитъ на насъ, какъ сама Катерина Ивановна. Конечно хладнокровно разсуждая, мы плюемъ на нее и не обращаемъ вниманія. Но согласитесь, если вы устали отъ работы, наслушавшись глупѣйшихъ замѣчаній, придирокъ и т. д., то замѣчанія Анютки должны еще болѣе раздражать! Одинъ разъ, къ одной изъ нашихъ, пришелъ гость, и собираясь уходить, вынулъ папиросу, — такъ вы бы послушали, какъ она на него заорала! — Вотъ и извольте быть тутъ доброй. Да если бы еще портились только тѣмъ, что становились раздражительными—это бы еще куда не шло! А то вѣдь тутъ дѣлаются подлости, потому что мы совершенно въ личномъ распоряженіи Катерины Ивановны и помощницъ, а онѣ всѣ благоволятъ только къ тѣмъ, кто наушничаетъ и подслуживается. Вы, можетъ быть, знаете, что пока мы въ младшемъ классѣ, насъ цѣлый годъ никуда не выпускаютъ, а какъ перейдемъ въ старшій, то изрѣдка имѣемъ право выпросить позволеніе у Катерины Ивановны и уйти на сутки. Но она можетъ отпустить и не отпустить — это въ ея волѣ, и правилъ для этого никакихъ нѣтъ. Она любимицъ своихъ и отпускаетъ, а чуть кого не любитъ, не пуститъ. И резоновъ никакихъ не говоритъ. Нельзя—да и кончено дѣло. А вѣдь всякому хочется отдохнуть, погулять. Вотъ и подличаютъ и заискиваютъ.

— Просто, все это оттого происходитъ, что вы молчите....

— Очень вы сами просты, оттого вамъ все такъ просто и кажется. Кому же говорить-то? Одинъ тутъ хозяинъ директоръ. Отъ него все зависитъ, онъ всѣмъ распоряжается.

— Ну, вотъ къ нему бы и обращались....

— А вы думаете, не обращались. Видѣли вы нашу Грѣшкову, вотъ ту, что сегодня прибѣгала жаловаться на обѣдъ. Поступила она сюда изъ родительскаго дома, не привычная къ здѣшнему обращенію, и въ первые же дни такъ измѣнилась, что родные черезъ мѣсяцъ не узнали ея. Не понявши здѣшнихъ порядковъ, она вздумала разсуждать, требовать объясненій. Ее возненавидѣли всѣ, стали гнать, допекать; она плакала, кидалась изъ

стороны въ сторону, отъ одного къ другому. Всѣ совѣтовали успокоиться, указывали на другихъ, обвиняли въ излишней впечатлительности. Разъ директоръ объявилъ по какому-то случаю, чтобы каждый имѣющій какую нибудь жалобу, просьбу и т. п. обращался къ нему. Грѣшкова, услыхавъ это, вздумала воспользоваться этимъ—и чѣмъ же кончилось? Каждый разъ она оставалась виноватою. Директоръ выслушивалъ, призывалъ мадамъ Д., та разсказывала по своему, и непремѣнно кончалось тѣмъ, что Грѣшкова обвинялась въ дерзости. Вѣдь дерзость такое растяжимое понятіе, что всегда можно увидѣть ее, если захочешь. Ну, и кончилось тѣмъ, что она перестала ходить, а теперь чуть ли не каждый день лежитъ въ истерикѣ, потому что съ тѣхъ поръ ей проходу не даютъ.

Опять ночью собрались дежурныя за кофе.

— Скажите пожалуйста, спрашивала я:—какъ бы мнѣ посмотрѣть роды, я еще никогда въ жизни не видала и даже не могу представить себѣ, какъ это бываетъ. Вѣдь это навѣрно дозволяется?

— Ну, матушка моя, это вамъ на врядъ ли скоро придется, потому что изъ лазарета нельзя ходить въ родильную, а младшія постоянно дежурятъ въ лазаретѣ. Я три мѣсяца продежурила, пока добилась увидѣть ихъ. Можетъ случиться такая удача, что васъ пошлютъ въ палату, а въ этотъ день будутъ роды, но и то, если васъ казенная пуститъ.... Впрочемъ, и это ничего не значитъ, казенная пуститъ, а помощница увидитъ васъ въ родильной и прогонитъ.

— Да что же онѣ — совсѣмъ дуры, эти помощницы?

— Дуры не дуры, а такой ужь тутъ порядокъ. «Станете, говорятъ, принимать, такъ посмотрите». А какое ужь тогда смотрѣнье! А между тѣмъ сами злятся, когда неумѣло принимаются!

— А я воображала, что тутъ даже очередь есть ходить дежурить въ родильную, чтобы приглядѣться и привыкнуть. Вѣдь тутъ одинъ крикъ чего стоитъ.

— Дежурство-то по родильной есть, да только для старшихъ, послѣ того, какъ приняли по три, а насъ то хоть бы разъ, другой изъ милости пустить,—и то слава Богу.... А то подумайте, придешь принимать, и всему-то сразу учиться приходится: и распоряжаться, и изслѣдовать, и принимать, и къ крику спокойно относиться, и не теряться. И выходитъ, что ничему не научатся. Ну еще простые роды—куда ни шло. А вотъ съ операціями такъ просто смѣхъ: каждую предполагающуюся операцію держатъ въ секретѣ, чтобы дежурныя какъ нибудь не провѣдали и не пришли смотрѣть. А если кто придетъ, выгоняютъ вонъ. Вотъ и

извольте заниматься вольной практикой. Каково тѣмъ несчастнымъ бабамъ въ провинціи, надъ которыми намъ придется начинать практику, безъ докторовъ, безъ умѣнья и знанья помочи? Вмѣсто того, чтобы научиться здѣсь на глазахъ, при всей этой оравѣ докторовъ, будемъ учиться на тѣхъ несчастныхъ. Навѣрно каждая изъ насъ штукъ десять отправитъ на тотъ свѣтъ, прежде нежели научится. Или хоть бы клиника! Вѣдь она заведена для того, чтобъ учить насъ женскимъ болѣзнямъ, а спросите, научилась ли хоть одна тамъ чему нибудь? Да и научиться нельзя. Больныхъ много, докторъ торопится, а вы ничего не знаете. Если бы вы сколько нибудь были приготовлены, то можно бы научиться многому, а теперь дежурить въ клиникѣ значитъ подавать доктору умывать руки.

— Да что жъ это наконецъ такое—я просто понять не могу. И въ теоріи ничему не учатъ, и на практикѣ ничего не дѣлаютъ. Вѣдь они должны же понимать, что если мы ничему не научимся, то ничего не будемъ умѣть и дѣлать.

— Въ томъ то и штука,—только того и нужно. Они понимаютъ, что свѣдущая акушерка во многихъ случахъ съумѣетъ справиться не хуже нихъ....

— Ну, это вы увлекаетесь своими предположеніями.

VI.

Четвертое дежурство.

Наконецъ, въ четвертый разъ меня послали въ палату. Палата отличается отъ лазарета тѣмъ, что комнаты больше, да ватерклозетъ и кухня дальше, такъ что за каждою вещью нужно бѣгать за полверсты. Хотя больныхъ было немного, я въ нѣсколько часовъ устала больше, чѣмъ въ лазаретѣ за цѣлый день. Впрочемъ, я не горевала и утѣшалась тѣмъ, что роды посмотрю. Но этой надеждѣ не суждено было исполниться: цѣлый день родовъ не было и не смотря на то, когда я зашла въ родильную посмотрѣть, что̀ она изъ себя изображаетъ, меня немедленно выгнали. Ночью пришла наконецъ роженица, и я нарочно не ложилась спать, чтобы не пропустить случая посмотрѣть, но едва только я успѣла показаться въ родильную, какъ помощница раскричалась и приказала мнѣ идти къ своему дѣлу. Напрасно я увѣряла ее, что теперь моя очередь спать, но я не ложусь, чтобы посмотрѣть роды, стало быть все равно ничего не буду дѣлать, она заставила меня уйти. Я усѣлась въ корридорѣ, рѣшившись во чтобы то не стало посмотрѣть роды, но и отсюда меня прогнали. Я жалѣла, что попала въ палаты; одна только и есть

выгода, что изъ палатъ можно смотрѣть роды—ихъ я не видала, а между тѣмъ устала ужасно. Больше всего не понравилось мнѣ то, что тамъ цѣлый день ходитъ помощница и не даетъ покою своими замѣчаніями. Въ этотъ день я была просто поражена ея поведеніемъ. Она буквально не прошла ни разу по комнатѣ, чтобъ не сдѣлать замѣчаній.

— Подвиньте кровать, развѣ вы не видите, какъ она криво стоитъ. Посмотрите, какъ сморщилось одѣяло! Зачѣмъ чашка стоитъ на шкапу? Разложите аккуратно пеленки! Смотрите, какъ онѣ безпорядочно висятъ!

Если ужь нечего было замѣчать, такъ она просто придиралась.

— Вы, кажется, только и дѣлаете, что чай пьете! Зачѣмъ вы сѣли на кровать, развѣ она для того сдѣлана? Принесутъ больную, и кровать въ безпорядкѣ.

Если и такого ничего не оказывалось, то она кричала:

— Смотрите, чтобъ все было въ порядкѣ.

Эти замѣчанія производили на меня такое впечатлѣніе, что сердце сжималось, когда я слыхала ея приближеніе, и я невольно вставала и начинала обдергивать и уравнивать, чтобы она не придиралась. За то въ этотъ день я узнала, что называется у нихъ идеальной дежурной; я нѣсколько разъ слыхала, что такъ называли одну изъ старшихъ русскаго класса и очень хотѣла увидать ее, но она всегда дежурила въ палатѣ, а я въ лазаретѣ. Въ этотъ день мы сошлись вмѣстѣ, и я съ перваго взгляда узнала въ ней ту самую ученицу, съ которой я встрѣтилась, идя на первое дежурство, и которая такъ ахала отъ того, что не успѣла поклониться помощницѣ. Я внимательно слѣдила за нею цѣлый день и изумилась ея поведенію; она цѣлый день была на ногахъ, переходила отъ одной кровати къ другой, ежеминутно обдергивала на больныхъ одѣяла, поправляла занавѣсы, передвигала стулья, вставала при появленіи помощницы, говорила съ нею подобострастнымъ тономъ, не садилась пить чай до тѣхъ поръ, пока не садилась съ нею казенная. Роздали намъ на каждую больную бѣлье. Я убирала рядомъ съ нею и замѣтила, что она не положила чистой простыни, хотя простыня подъ больной и была грязна.

— Развѣ вамъ не всѣ простыни дали? Спросила я ее.

— Всѣ три.

— Такъ отчего же вы не кладете новой?

— Да эта еще довольно чиста. Я подвернула сухое мѣсто.

— Да вѣдь кровь разлагается. Вы понюхайте, какой ужасный воздухъ.

— А я вотъ уберу и покурю можжевельникомъ, а простыни поберегу. Вѣдь тутъ не любятъ, чтобы много бѣлья тратили.

— Но если ужь вамъ дали....

— А, ну, такъ чтожъ! Еще сберегу.

И преспокойно спрятала простыню и начала курить можжевельникомъ.

Въ этотъ день я съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ обыкновенно, ожидала конца дежурства. Раньше мнѣ очень хотѣлось въ палату, я думала, что увижу тамъ что нибудь новое, научусь чему нибудь, но теперь видѣла, что вездѣ совершенно одно и тоже, только въ лазаретѣ крику меньше, потому что туда рѣже заходитъ помощница.

Утромъ прошелъ директоръ съ обыкновенной свитой, съ обыкновенными пріемами; была суббота, и онъ прямо изъ палаты отправился въ комитетъ.

Вдругъ по корридору поднялась суматоха, пробѣжала помощница, заглядывая во всѣ комнаты.

— Есть тутъ какой нибудь докторъ? Есть кто нибудь изъ докторовъ? кричала она.

— Никого нѣтъ, всѣ ушли, отвѣчали ей.

— Ахъ Боже мой, вотъ бѣда то! Власьева, пошлите швейцара въ дежурную комнату — нѣтъ ли тамъ кого нибудь. Пусть скажетъ, чтобы шли въ комитетъ. Директоръ тамъ одинъ и сердится. Вѣдь этакіе дурни—не могутъ посидѣть часъ потѣшить старика. Сидитъ тамъ одинъ! И безъ того ужъ сегодня надутъ, какъ индюкъ!

Помощница смотрѣла въ окно.

— Ну, слава Богу! Хоть одинъ пошелъ, можетъ быть, еще кто нибудь подойдетъ. Комедія просто съ этимъ комитетомъ; сгоняй ихъ, какъ цыплятъ! Ишь, какъ идетъ: едва ноги двигаетъ!

— Кому понравится играть роли безъ рѣчей, сказала казенная.

— Ну, что дѣлать, надо потерпѣть. Будешь директоромъ,—самъ тоже заведешь.

— Въ чемъ тутъ дѣло? спросила я казенную.

— А въ томъ, что доктора терпѣть не могутъ этой комедіи въ комитетѣ. Соберутся неизвѣстно зачѣмъ и сидятъ 2—3 часа, глазами хлопаютъ.

— А директоръ чтожъ тамъ дѣлаетъ?

— Директоръ съ профессорами принимаетъ ученицъ, выдаетъ свидѣтельства о слушаніи курса тѣмъ, кто хочетъ держать экзаменъ въ академіи, принимаетъ деньги за второй годъ, подписываетъ счеты на расходъ, обсуждаетъ передѣлки, въ родѣ починки

ки замковъ и т. п. Все это докторовъ не касается, а ежели и высказываютъ свои мнѣнія, то только для удовольствія директора.

— Отчего же сегодня директоръ сердитъ?

— Да ребенокъ пропалъ.

— Какъ пропалъ?

— Да такъ—въ какой-то изъ книгъ одного ребенка не хватаетъ. Вы знаете, тутъ чуть ли не въ пяти книгахъ записываютъ приходящихъ, выбывающихъ и дѣтей. Записываетъ директоръ, записываетъ докторъ, записываетъ профессоръ, записываетъ смотритель. Мы рапортуемъ помощницѣ, докторамъ, профессору; помощница смотрителю, директору... ну, вотъ часто и выходитъ, что вдругъ то ребенка, то бабы гдѣ нибудь не хватитъ, или окажутся лишніе—вотъ и бѣда! Онъ и злится. И тогда ужъ держись,—всѣмъ достанется!

— Вовсе онъ не отъ того золъ, перебила другая, никогда онъ такъ не злится изъ за какихъ нибудь дѣтей. Должно быть опять анонимное письмо получилъ.

— Это еще что?

— Развѣ вы не знаете. Онъ постоянно получаетъ анонимныя письма.. должно быть отъ учениць.

— Что же ему пишутъ?

— А всю правду, говорятъ, что пора ему убираться. Вотъ какъ онъ получитъ такое письмо, такъ дуется нѣсколько дней съ ряду и придирается ко всему.

— Вотъ охота людямъ глупостями заниматься.. словно это поможетъ дѣлу.

— Дѣлу не поможетъ, а все таки ему шпилька. Знаете, разъ въ какой-то газетѣ была замѣтка о грубомъ обращеніи съ женщинами родовспомогательнаго заведенія. Написано было о другомъ заведеніи, но замѣтка попала такъ вѣрно, что нашъ старикъ выходилъ изъ себя, призвалъ все наше бабье начальство и сдѣлалъ имъ строжайшій выговоръ. А потомъ я слышала, что и въ другомъ заведеніи было тоже самое, и даже въ воспитательномъ домѣ.

— Ну, наша мадамъ Д. говоритъ, что она плюетъ на это. Пусть, говоритъ, сколько хотятъ печатаютъ.

VII.

Воронова.

Послѣ этого дежурства для меня уже не было ничего новаго: обязанности свои я знала, дежурства стали мало по малу надоѣдать мнѣ, и я, сама того не замѣчая, стала все болѣе и болѣе

погружаться въ домашнія дрязги нашего заведенія. Они стали меня интересовать. На первыхъ же порахъ я замѣтила, что казенныя и вольноприходящія были въ постоянной непримиримой враждѣ, хотя распивали вмѣстѣ чай и кофеи. Казенныя находили, что всѣ приходящія не только хуже всѣхъ казенныхъ, но просто лѣнтяйки, небрежны, ничего не умѣютъ дѣлать, и каждую минуту высказывали это, нисколько не стѣсняясь. Вольноприходящія жаловались, что на нихъ не обращаютъ никакого вниманія, что все въ рукахъ казенныхъ, что онѣ ничего не дѣлаютъ, а только помыкаютъ нами. Приходящія почти поголовно отличались лѣностью, небрежностью, неаккуратностью. На дежурство приходили поздно, дѣлали все неохотно, тихо, вяло, съ больными обращались грубо. Противно было смотрѣть, какъ начнутъ перестилать постель, пеленать ребенка, дѣлать компрессы. Позоветъ больная—ворчатъ; пойдутъ за чѣмъ—едва-едва двигаютъ ноги. Всѣ проклинали дежурство, ругали порядки, смѣялись надъ ними и надъ начальствомъ. Впрочемъ лѣнились онѣ только на казенной работѣ. Каждая съ собою приносила какое нибудь шитье или вязанье, и непремѣнно учебникъ акушерскій, и цѣлые часы сидѣли и учили, кто по одиночкѣ, кто вдвоемъ, спрашивая и репетируя другъ друга.

Поведеніе вольноприходящихъ изумило меня. Не оправдывая казенныхъ, я все-таки должна была согласиться съ ихъ мнѣніемъ о приходящихъ. Я удивлялась ихъ небрежности и не понимала, какъ онѣ могутъ хладнокровно слушать по цѣлымъ часамъ плачъ ребенка, и не подойти къ нему, могутъ заставлять больную нѣсколько разъ позвать, чтобы подали то, или другое. Я гордилась, что не такая; дѣлала имъ замѣчанія, но слышала въ отвѣтъ одно и тоже.

— Погодите, и вы скоро будете такая же; это вы говорите, пока вамъ все въ новину: мы тоже такія были усердныя.

Я не вѣрила и приписывала это ихъ испорченности, грубости, неразвитости. А время шло. Я аккуратно ходила на дежурства, не пропускала ни одной лекціи, ни одной репетиціи, постоянно готовила уроки и училась, но все это оказывалось безплоднымъ. Въ головѣ моей былъ какой-то сумбуръ. Въ тоже время, къ ужасу моему, я начала замѣчать, что мало по малу я прихожу къ тому же состоянію, которое удивляло меня въ другихъ. Я все знала и ничего не понимала. Наконецъ, я убѣдилась, что теорія и практика двѣ вещи разныя, что онѣ не только не помогаютъ другъ другу, но по самому существу своему одна съ другой не имѣютъ ничего общаго: теорія—это значитъ зубрить Шпета, а практика—это вѣчная бѣготня, брань, подлизыванье къ началь-

ству, сплетни и т. д. Но что хуже всего, я перестала даже возмущаться и протестовать, и мало по малу начала привыкать и мириться. И кто знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бы со мною не случилось одно неожиданное обстоятельство, о которомъ я считаю не безполезнымъ разсказать. Обстоятельство это состояло въ знакомствѣ съ одной изъ нашихъ ученицъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ меня, поступила къ намъ въ классъ еще одна новенькая, оказавшаяся русскою. Меня очень заинтересовало это обстоятельство и я приступила къ ней съ распросами, почему ей вздумалось поступить въ нѣмецкій классъ. Я этого никакъ понять не могла, между тѣмъ дѣло объяснялось очень просто: ей сказали, что въ русскомъ классѣ нѣтъ больше вакансій. Я вспомнила про кавказскую барыню.

— Да вы, говорю, вѣрно не попросили хорошенько.

— О чемъ это?

— Да о томъ, чтобы васъ приняли. Когда я поступила вакансій было всего двѣ, а приняли 4-хъ.

— Потому что *хорошенько* просили, перебила она.—Ну, я просить не стану, я вѣдь не изъ милости поступаю, а деньги плачу.

— Но вамъ очень трудно будетъ по нѣмецки.

— Что же дѣлать—вотъ вы меня понимаете, стало быть объясняться я могу. А можетъ быть, на мое счастье очистится вакансія, такъ я и перейду.

Ученицы наши приняли новенькую крайне недружелюбно, до того недружелюбно, что мѣста ей не давали. Она никогда не торопилась садиться, не кидалась, сломя голову, а онѣ нарочно такъ разсядутся, чтобъ ей мѣста не оставалось.

Русская ученица въ нѣмецкомъ классѣ въ Россіи была для меня такимъ страннымъ явленіемъ, что я очень заинтересовалась ею и неотступно слѣдила за всѣмъ ея поведеніемъ. Я старалась познакомиться и сблизиться, но это оказалось не совсѣмъ легко.

Придя въ классъ, она всегда садилась гдѣ-нибудь въ сторонѣ и принималась за какую нибудь принесенную съ собой работу. На всѣ мои распросы и разговоры отвѣчала любезно и охотно, но въ откровенности не пускалась. Большая часть нашихъ ученицъ была знакома между собою, о каждой новопоступившей знали черезъ нѣсколько дней, кто она и ея семейныя, чѣмъ занимаются, какими средствами живутъ и такъ дальше. Воронова на вопросы мои тоже отвѣчала, но сообщала все въ такомъ видѣ, что въ каждомъ отвѣтѣ было ясно, что она считаетъ такіе разговоры неумѣстными.

Въ первый же разъ, когда ее спросили на урокѣ, она обратила на себя общее вниманіе. Отвѣчала спокойно, громко, по-

слѣдовательно, нѣсколько затруднялась въ выраженіяхъ, и поэтому говорила медленно.

Весь классъ не ожидалъ такого случая и тѣмъ больше было изумленіе. Она дѣйствительно говорила немного смѣшно, часто искала слова, смѣшно произносила, но за то отвѣты были такъ точны, изложеніе такъ ясно и связно, что ничего подобнаго мы до сихъ поръ не слыхали.

Послѣ класса многія поздравляли ее, на что она широко раскрывала глаза. Чуть ли не въ слѣдующій же классъ ей опять пришлось отвѣчать, и опять мы были изумлены. Послѣ класса многія изъ насъ приступили къ ней съ распросами; у кого она беретъ уроки и кто такъ замѣчательно умѣетъ готовить?

Воронова какъ будто насъ не понимала.

— Какіе уроки, о чемъ вы говорите?

Ей растолковали, что она непремѣнно беретъ у кого нибудь частные уроки акушерства, какъ и всѣ мы, но ея преподаватель вѣроятно обладаетъ особеннымъ искусствомъ передачи свѣдѣній, и мы бы желали знать его, чтобы тоже обратиться къ нему. Услыхавъ, что она никакихъ уроковъ не беретъ, мы положительно не повѣрили этому и приставали къ ней каждый классъ.

Такая скрытность не могла не возмутить насъ, и мы всѣ стали относиться къ ней недоброжелательно, называли ее выскочкой, завистницей и т. п.

Такъ какъ она и раньше держалась отдѣльно и въ дружбу ни съ кѣмъ не вступала, то наше отчужденіе вѣроятно для ней не было замѣтно. Потомъ оказалось, что она и не подозрѣвала о томъ, такъ какъ вообще интересовалась въ институтѣ только тѣмъ, что тамъ можно было пріобрѣсть по части знаній.

Мнѣ пришлось дежурить въ одной очереди съ ней,—и я поневолѣ стала уважать ее. Она дѣлала все съ такимъ стараніемъ, такъ охотно, что это невольно бросалось въ глаза. Ночью она никогда не садилась болтать съ другими, а все время переходила изъ одной комнаты въ другую, перемѣняя компрессы, перекладывая ледъ и т. п., а если дѣлать было нечего, то читала или работала. Я никогда не слышала, чтобъ она жаловалась на трудность дежурства, или возмущалась его безполезностью; на всѣ разговоры о начальствѣ и порядкѣ отвѣчала молчаніемъ. Слѣдя за нею, я замѣтила, что она дѣлаетъ многое не такъ, какъ намъ показывали, и удивлялась, что ей ничего не говорятъ казенныя, хотя у насъ былъ такой порядокъ, что если вамъ покажутъ разъ навсегда, что сначала надо переложить такую-то простыню, а потомъ другую, то вы ужь иначе дѣлать не смѣете. Я нѣсколько разъ заводила о ней разговоръ съ казенными и

убѣдилась, что хотя ее не любили, но за то относились къ ней съ такимъ уваженіемъ, какъ ни къ кому.

Нѣсколько разъ, когда у меня дѣло не спорилось, она обращалась ко мнѣ и говорила:

— Послушайте, вы не такъ дѣлаете, вотъ я вамъ покажу, какъ надо, поглядите.

И дѣло мгновенно исправлялось и выполнялось ловко, хорошо и скоро. Отъ другой я бы не потерпѣла этого,—у насъ всѣ обижались такими указаніями,—но она говорила такъ ласково, и притомъ такъ было очевидно, что она говоритъ исключительно изъ желанія помочь, что я рѣшительно не могла обижаться.

Знакомство наше началось такъ.

Ожидая съ трепетомъ приближенія экзаменовъ, я стала учиться по цѣлымъ днямъ, перечитывая одно и тоже по двадцати разъ, но дѣлу это не помогало. Описаніе органовъ, ходъ родовъ, однимъ словомъ, все представляло въ моей головѣ невообразимую путаницу. На одномъ дежурствѣ сидѣла я ночью и можетъ быть въ пятидесятый разъ перечитывала одно и тоже, не смотря на то, что глаза у меня смыкались и я совсѣмъ переставала понимать то, что читала. Но я все-таки дѣлала надъ собой усиліе; заткнувъ уши и покачиваясь, твердила одно и тоже. Воронова сидѣла на окнѣ и подпершись рукою внимательно смотрѣла на меня. При всей моей симпатіи къ ней, взглядъ ея бѣсилъ меня, и я еще съ большимъ азартомъ нечинала покачиваться и зубрить. Но какъ на зло это средство на этотъ разъ совсѣмъ не помогало. Раздосадованная, я наконецъ бросила книгу, невольно воскликнувъ: поганая книга!

— Что это вы, голубушка, вдругъ начала она:—кажется ужъ съ книгой своей ссоритесь?

— Поневолѣ поссоришься, когда ничего не понимаешь.

— Да зачѣмъ же вы сидите надъ ней по цѣлымъ днямъ! Вѣдь вы, небось, ужъ давно всю наизустъ знаете.

— Конечно, знаю, да толку изъ этого нѣтъ—я ничего не понимаю.

Она смотрѣла такъ ласково, взглядъ ея выражалъ такое сочувствіе, что я поддалась ея вліянію и излила ей все свое горе, обрадовавшись случаю высказаться.

— Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ все отвратительно. Я не дождусь, когда всему этому будетъ конецъ. Думала ли я, что акушерство мнѣ будетъ такъ тяжело, такъ противно! Ну, чему я научилась? По теоріи я ничего не знаю. А эти дежурства! Если бы вы знали, съ какими мыслями и чувствами я поступила сюда, какъ мнѣ хотѣлось все знать,

всему научиться! Я не могла дождаться дежурства; я не вѣрила разсказамъ подругъ; я думала, что онѣ недовольны, потому что выросли въ барскихъ привычкахъ, гнушаются всякой грязной работы. А теперь, что выходитъ? Я съ ужасомъ думаю о томъ днѣ, когда моя очередь дежурить. Сдавши дежурство, я каждый разъ невольно говорю: слава Богу, на цѣлыхъ семь дней избавилась! А я вѣдь не брезглива и не лѣнива, я не разбираю, баба или барыня, а во всѣхъ вижу больныхъ. Вначалѣ я осуждала всѣхъ дежурныхъ, когда видѣла, какъ онѣ все небрежно дѣлаютъ, а теперь и сама стала такою же. Да и быть иначе не можетъ. Ну, зачѣмъ я стану цѣлый день мучить себя, бѣгать, хлопотать, когда все это ни къ чему не ведетъ. А главное: дѣлай не дѣлай, а ничего кромѣ брани не услышишь. Всѣ, всѣ кричатъ!

Я была въ совершенномъ отчаяніи, въ послѣднее время столько накипѣло у меня на сердцѣ, такъ мнѣ все опротивѣло, что я ужасно была рада случаю высказаться, и даже расплакалась по этому случаю. Воронова молча слушала, потомъ, не торопясь, взяла меня за руку, ласково посмотрѣла мнѣ въ лицо и сказала;

— Такъ, стало быть, кричатъ?

— Да, конечно, кричатъ. Кому же это пріятно!

— А вы не слушайте.

— Да развѣ можно не слушать, когда онѣ надъ ухомъ кричатъ?

— Конечно, можно, сказала она, совсѣмъ серьезно.—Какъ вы думаете, что такое этотъ крикъ? Это просто скверная привычка, которой онѣ другъ у друга выучиваются. Замѣтьте, каждая изъ нихъ, поступая сюда, вначалѣ страдаетъ совершенно также вотъ, какъ вы; но такъ какъ это очень тяжело, то каждая старается выйти изъ этого положенія. Какъ же выйти? Она видитъ, что здѣсь страдаютъ тѣ, на кого кричатъ, а кто самъ кричитъ, тотъ не страдаетъ. Стало быть, что же надо дѣлать?

— Надо тоже кричать, надо стараться пріобрѣсти себѣ такое же положеніе.

— Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что и мы должны непремѣнно поступать скверно, глупо и подло! Вы поймите, что это для насъ съ вами вовсе необязательно.

— Да, это я все понимаю. Но я объ себѣ вамъ говорю, какъ мнѣ-то быть, какъ мнѣ поступать.

— Какъ вамъ поступать! Во всякомъ случаѣ, не нужно поступать гадко, скверно и подло. Повторяю: это вовсе для насъ съ вами необязательно.

— Необязательно-то, конечно, необязательно, т. е. эти прави-

ла не печатаны и не вывѣшены на стѣнѣ, но весь порядокъ здѣсь таковъ, что иначе—поступать нельзя. Здѣсь всѣ съ перваго до послѣдняго поступаютъ такъ.

— Во-первыхъ—вы не одни.

— Положимъ, хоть и двѣ. Что же мы можемъ сдѣлать?

— Очень много можемъ сдѣлать. Прежде всего, мы можемъ показать, что они поступаютъ скверно. И собственнымъ примѣромъ можемъ показать, какъ надо поступать хорошо.

— Да вѣдь они насъ заклюютъ.

— Пока еще заклюютъ! а вы все-таки продолжайте свое.

Я чувствовала, что она права. Кромѣ того, она говорила съ такой увѣренностью, въ голосѣ ея, въ спокойномъ выраженіи лица, высказывалось присутствіе такой энергіи и силы, что я увѣровала въ нее. Мнѣ вдругъ представилось, что и я сильная, я чувствовала, что въ эту минуту никакой крикъ мнѣ не страшенъ. Какой-то вихорь совершенно новыхъ явленій и ощущеній схватилъ меня и понесъ куда-то. Я не могла сидѣть, встала и, схвативъ ее за руку, потащила въ корридоръ. Я знала, что по корридору ходить нельзя, но въ ту минуту мнѣ хотѣлось нарочно сдѣлать что либо запрещенное.

Воронова должно быть понимала то состояніе, въ которомъ я находилась, и добродушно улыбаясь, шла за мной все дальше и дальше. Я ничего не говорила, а только молча пожимала ей руку и шла по корридору, не зная куда и за чѣмъ.

— Куда же это однако мы идемъ? наконецъ спросила Воронова, останавливаясь въ концѣ корридора.

Я опомнилась.

— Послушайте, сказала я вдругъ громко.

— А вы потише, больныхъ разбудите, говорила Воронова, обнимая меня за талью и поворачивая назадъ:—что вы хотѣли меня спросить?

Но въ эту минуту я сама хорошенько не знала, что я хочу спросить. Я чувствовала, что Воронова должна была разрѣшить всѣ мои сомнѣнія. Она однимъ словомъ взволновала меня; она должна же меня и успокоить. Наплывъ мыслей и чувствъ былъ такъ великъ, что я не могла съ ними справиться. Наконецъ, Воронова меня выручила.

— Вы должно быть хотите спросить, что надо дѣлать?

— Ну да, ну да...

— Да вы сами должны знать.

— Я ничего не знаю.

— Успокойтесь и подумайте.

— Я уже много думала...

— Ну такъ постойте же, подумаемъ вмѣстѣ. Скажите мнѣ прежде всего, можете ли вы спокойно смотрѣть на страданія?

— На чьи страданія?

— Да вотъ этихъ несчастныхъ бабъ и на ихъ дѣтей? Нѣтъ? не можете? Что вы въ это время чувствуете? Вы сами вмѣстѣ съ ними страдаете? А когда на васъ кричатъ, вы тоже страдаете?

— Тоже страдаю.

— Ну, вотъ, теперь вы и постарайтесь дать себѣ отчетъ, какое для васъ страданіе хуже?

Я сразу не могла отвѣтить, но Воронова, видя мое затрудненіе, опять мнѣ помогла.

— Если вы не знаете, такъ я вамъ сама скажу просто: за другого всегда легче страдать, чѣмъ за самого себя. Страдайте за другихъ, и вы не будете чувствовать личныхъ страданій: они у васъ заглохнутъ. Стало быть, вотъ что прежде всего вы должны имѣть въ виду. Кромѣ того, не позволяйте никому насиловать себя. Зачѣмъ вы пришли сюда? Учиться. Теперь вы убѣдились, что здѣсь учиться какъ слѣдуетъ нельзя. Ученье здѣсь только вывѣска. Это промышленное заведеніе, это торговое предпріятіе. За дипломъ вы плотите частью деньгами, частью трудомъ. Деньги вы согласны заплатить безпрекословно, но трудъ, который съ васъ требуютъ, до такой степени унизителенъ и въ тоже время безсмысленъ, что вы возмущаетесь. Но вѣдь намъ съ вами нужны дипломы. Вотъ, напримѣръ, я прихожу сюда и говорю: дайте мнѣ дипломъ, что это будетъ стоить? Мнѣ отвѣчаютъ: во 1-хъ, вы должны заплатить 70 р., во 2-хъ, пробыть по крайней мѣрѣ 9 мѣсяцевъ въ заведеніи и исполнять все, что вамъ прикажутъ. А что-же мнѣ могутъ приказать? Да все, что намъ вздумается. — Напримѣръ? — Напримѣръ, если мы вамъ прикажемъ лизать полъ, вы должны его лизать... А другаго способа получить дипломъ нѣтъ? — Нѣтъ, другаго пока еще не придумали.—Въ такомъ случаѣ, я согласна. Я поступаю. Но, поступая сюда, я ни одной минуты не думала, что я въ самомъ дѣлѣ буду лизать полъ. Вы скажете, что я ихъ обманула? Вы скажете, что это не хорошо? А я вамъ скажу: нѣтъ, это ни хорошо, ни худо. Что-жь это такое? А это такъ слѣдуетъ, потому что еслибъ я ихъ не обманула, то они обманули бы меня. Съ помощью своей вывѣски они заманили меня сюда учиться, а вмѣсто того хотѣли изъ меня сдѣлать сидѣлку и сверхъ того взять еще съ меня деньги, а я на эту удочку не поддалась. Учусь я сама, а съ нихъ возьму дипломъ. Такъ и вамъ совѣтую поступить.

Мнѣ первый разъ въ жизни пришлось слышать такое мнѣніе. Взглядъ, высказанный Вороновой, былъ для меня до такой степени новъ и возбудилъ во мнѣ такую кучу вопросовъ, что я никакъ не могла съ ними справиться и придти къ какому нибудь заключенію.

— Ну, такъ какже? наконецъ спросила ее.

— Что какже? какъ поступать?

— Ну да, вообще то какъ?

— Такъ вообще и поступайте. Исполняйте только такія приказанія, которыя по вашему имѣютъ смыслъ; притомъ исполняйте ихъ не такъ, какъ здѣсь заведено, а такъ, чтобы онѣ дѣйствительно имѣли смыслъ. Учитесь сами. Заведеніе можетъ дать вамъ только нѣкоторыя пособія, вы и берите изъ нихъ то, что вамъ нужно. А что вамъ нужно, вы тоже сами должны знать.

— Откуда же я это узнаю. Я сюда поступила именно затѣмъ, чтобы учиться.

— Ну, и убѣдились, что здѣсь васъ выучить не могутъ. Стало быть, вамъ остается одно: своимъ умомъ доходить до всего.

— Но вѣдь это такъ трудно.

— Да, не легко. На первый разъ, можетъ быть, я вамъ помогу чѣмъ нибудь, а потомъ сами до всего дойдете.

На другой же день начались наши занятія и я увидѣла свѣтъ. Въ какую нибудь недѣлю я совершенно ясно поняла то, надъ чѣмъ напрасно билась полгода. Уроки свои сопровождала она объясненіями, которыя были такъ просты, такъ ясны, что я еще ничего подобнаго не слыхала. Послѣ нихъ у меня едва хватило терпѣнія сидѣть на лекціяхъ жестикулирующаго профессора.

Теперь я не боялась экзамена, я могла поручиться, что выдержу его.

И дѣйствительно, экзаменъ выдержала, перешла въ старшій классъ и тутъ уже началась практика: пріемка, клиника, дежурства по родильной.

III.

Первая пріемка.

День моей первой пріемки произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что наврядъ ли я когда нибудь забуду его.

Всѣ разсказы дежурныхъ оказались совершенно вѣрными. Стоны рожениць, крикъ помощницы и покрикиванья родильной дежурной, бѣготня и суматоха привели меня въ какое-то безсмысленное состояніе. Я волновалась, спѣшила, кидалась, хваталась за дѣло почти безсознательно. При всемъ стараніи—въ изслѣдо-

ваніи я ничего не поняла; не зная порядковъ родильной и стараясь сдѣлать какъ можно лучше, я каждую минуту получала замѣчанія отъ родильной дежурной.

— Это не ваше дѣло, знайте себѣ свою бабу!

— Пожалуйста, не безпокойтесь; когда понадобится—все будетъ сдѣлано:—не хуже васъ знаютъ!

Эти замѣчанія сыпались на меня, какъ только я хотѣла за что нибудь взяться.

Въ теоріи я дѣло свое отлично знала, но когда подошла рѣшительная минута, я чуть не отказалась вовсе отъ акушерства.

— Вы сегодня первая на очереди принимать, объявила мнѣ подруга.—Приготовили вы рапортовку?

— Нѣтъ, не приготовила; да я и не знаю, что это такое.

— Такъ вотъ спишите.

Она дала мнѣ листъ, на которомъ написаны были вопросы:

Имя.

Фамилія.

Лѣта и т. д.

Затѣмъ вопросы о ходѣ родовъ, о часѣ прихода роженицы, о времени рожденія ребенка и т. д. затѣмъ о размѣрахъ таза роженицы, о размѣрахъ ребенка и вѣсѣ его. Всего вопросовъ 50.

— Знаете, сказала я ей.—Я очень боюсь. Въ теоріи я, положимъ, знаю, какъ, что и когда надо дѣлать, но никогда ни видѣла сначала до конца, какъ это все дѣлается здѣсь;—а тутъ вѣдь особенные порядки: не знаю, гдѣ что лежитъ...

— Ну, это все глупости! это покажетъ вамъ родильная дежурная. А вотъ я вамъ что посовѣтую. Вы вѣдь не умѣете изслѣдовать, а если и умѣете, то все равно. Какъ придетъ ваша баба и позовутъ васъ въ родильную, вы обратитесь къ помощницѣ, попросите ее поучить васъ изслѣдовать и скажите, что заранѣе просите извинить, если что нибудь не такъ сдѣлаете или не поймете, потому что вы первый разъ принимаете.

— Да вѣдь она безъ того должна показать, для того она тутъ и есть, а что я въ первый разъ принимаю это она тоже отлично знаетъ...

— Какъ хотите; я вамъ только говорю, а лучше... всѣ такъ дѣлаютъ... Не попросите, такъ она будетъ сердиться...

— Идите принимать, пришла ваша баба, крикнули мнѣ наконецъ.

Побѣжала я въ родильную, по правдѣ сказать, съ сжатымъ сердцемъ.

Моя баба ждала меня, стоя посреди комнаты; на 2-хъ крова-

тяхъ лежали двѣ другія, охали, метались и отъ времени до времени вскрикивали.

— Скорѣй, скорѣй, встрѣтила меня родильная дежурная, какъ только я показалась въ дверяхъ,—раздѣвайте свою бабу и укладывайте.

Я раздѣла ее, надѣла бѣлье, которое сунула мнѣ казенная, и уложила въ постель. Не успѣла я это сдѣлать, какъ явилась помощница и закричала:

— Скорѣй поворачивайтесь! видите, сколько дѣла... некогда васъ дожидаться. И сѣла изслѣдовать.

Я стояла и ждала, стараясь припомнить, что мнѣ теперь по теоріи слѣдуетъ дѣлать, но къ ужасу моему, голова моя была пуста. Я оглянулась, ища кого нибудь, чтобы спросить, но ко мнѣ обратилась помощница:

— Чего вы стоите? Вы не желаете изслѣдовать?

Язвительность тона послѣдней фразы напомнила мнѣ, что я должна была извиниться и попросить. Отъ волненія я забыла въ чемъ надо извиниться и о чемъ просить и только нашлась сказать.

— Я очень желаю.

— Я святымъ духомъ знать этого не могу... садитесь!

Я сѣла.

На этой, какъ и на всѣхъ слѣдующихъ пріемкахъ я получила новое доказательство того, какими плохими педагогами были всѣ наши наставники.

Практическое обученіе было нисколько не лучше теоретическаго, и я смѣло могу сказать, что если я научилась изслѣдовать, то только благодаря сильному желанію и терпѣнію. Я всегда билась до тѣхъ поръ, пока не находила того, чего искала. Зато сколько лишняго времени, сколько усилій, сколько соображенія потребовалось для этого? Сколько разъ я приходила въ отчаяніе, рѣшая, что не могу быть акушеркой, что у меня нѣтъ никакихъ способностей и только разговоры съ подругами убѣждали меня, что тутъ мои способности не причемъ, что другія знаютъ еще меньше меня и вовсе не безпокоятся.

— И чего вы волнуетесь? говорили подруги,—просто смѣшно даже смотрѣть на васъ! Какъ будто вы не знаете, что тутъ никто ничего не знаетъ, а если кто и говоритъ, что знаетъ, то вретъ! Да и чего тутъ безпокоиться! Станете принимать на вольной практикѣ, такъ научитесь! Лишь бы дипломъ получить, а научиться и послѣ успѣете.

— Ну, что вы притворяетесь, говорили другія;—вы все отлично знаете. Вы постоянно притворяетесь, а сами лучше всѣхъ знаете.

Сначала меня это сердило. Я думала, что онѣ просто насмѣхаются надо мной, а какъ присмотрѣлась, такъ убѣдилась, что дѣйствительно никто ничего не знаетъ, и мнѣ даже приходилось показывать и объяснять всѣмъ, которыя желали и старались понять хоть что-нибудь. Но возвращаюсь къ разсказу.

— А гдѣ взять масло и мыло?

— Масло въ душникѣ въ банкѣ, а мыло на рукомойникѣ,—да смотрите, не возьмите большой кусокъ—это руки мыть помощницѣ, тамъ есть другой маленькій.

Мыло я нашла, но масла въ душникѣ не оказалось — стояла только пустая баночка.

— Масла нѣтъ, гдѣ его достать? спросила я казенную.

— Опять нѣтъ... Господи, что за скука!.. И чего вы раньше не сказали! Гдѣ я его теперь возьму... помощница ушла. Вотъ теперь и доставайте, гдѣ хотите...

— Да гдѣ же я его достану?..

— А я почемъ знаю... гдѣ хотите, тамъ и берите... у меня нѣтъ... Не доставало еще, чтобъ мы масло покупали... довольно того, что спички покупаемъ!—Ну, чего вы на меня смотрите!

— Да вотъ что, перебила приходящая, вы сходите въ палату и попросите у казенной — она дастъ, если попросите хорошенько.

— Идите, просите, только наврядъ ли дастъ, сказала казенная.

— Голубушка! просила я среднюю казенную, дайте пожалуйста масла!

— Это еще на что?

— Да надо; въ родильной нѣтъ ни капли.

— Вотъ еще новости!.. гдѣ возьму?

— Да я вамъ принесу, какъ помощница дастъ, пожалуйста дайте! Я васъ прошу сама, дайте для меня, я вамъ отплачу чѣмъ нибудь за это.

— Ну, ужь Богъ съ вами, видно нужно дать! Трусите, небось, принимать... э! да у меня самой масла нѣтъ. Ну, милая, и хотѣла бы услужить вамъ, да сами видите, пустая банка.

— Что же мнѣ дѣлать?

— А ужь я не знаю... ждите помощницу...

— Да Курилина сердится, велитъ сейчасъ!

— Ну, такъ и пусть достаетъ, гдѣ хочетъ... вамъ что за дѣло?

Вернулась я въ родильную.

— Что? дала? спросила казенная.

— Да у ней самой нѣтъ.

— Навѣрно вретъ.

— Я сама видѣла пустую банку.

— Ну, вотъ теперь и дѣлайте, какъ знаете...

Баба моя стонала и причитала, жалуясь на боль въ спинѣ. Я было начала тереть ей спину.

— Это вы еще что вздумали? крикнула казенная, увидѣвъ это. Что за нѣжности такія! Этакъ съ ними возиться, такъ и минуты покоя не будетъ! Пожалуйста, вы новыхъ порядковъ не выдумывайте! Пусть себѣ стонетъ! Родитъ и безъ васъ. Ей одно только дѣло охать, а вы и расчувствовались!

— Я растерялась и не знала, что дѣлать. Родильныя дежурныя и принимающія болтали и хохотали.

— Я стала припоминать, что я должна приготовить для родовъ и отворила шкапъ.

— Что вамъ тамъ нужно? закричала казенная.

— Хочу достать простыни.

— Развѣ это ваше дѣло? знайте себѣ, сидите у бабы, все будетъ готово въ свое время.

Но роды могли быть скоро; а я боялась, что тогда ничего не окажется готовымъ и пошла смотрѣть есть ли горячая вода.

— Вы куда идете? услышала я опять.

— Посмотрю, есть ли вода.

— Ну, скажите пожалуйста, что за человѣкъ! Чего вы суетесь не въ свое дѣло! сказано вамъ, это васъ не касается.

— Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, ножницы и простынь.

— Ничего не дамъ! Двадцать разъ еще успѣется...

Я усѣлась на постель къ своей бабѣ и рѣшилась изслѣдовать ее, но опять ничего не поняла.

— Ну, что у васъ тамъ? спросила дежурная.

— Да я ничего не понимаю.

— Вотъ тебѣ и бабушка!.. Кто же понимать-то долженъ?

Она подошла и изслѣдовала сама.

— Батюшки!.. Да у ней ужь и воды прошли! Бѣгите за помощницей! Когда воды прошли, записали?

— Да я и сама не знаю.

— Нечего сказать, принимаете! Ну, вотъ и будетъ вамъ теперь.

Я видѣла, что наступаетъ рѣшительная минута; побѣжала за помощницей, а вокругъ меня поднялась суматоха. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы:

— Приготовлены ножницы? Гдѣ свѣча? Приготовили ванну? Гдѣ пеленка для помощницы? Куда это опять дѣвались перышки? Не видали ли вы мою рапортовку? Готова ли ваша? Ради

Бога скорѣй! Слышались со всѣхъ сторонъ восклицанія. Всѣ бѣгали, суетились, хватаясь за что ни попало, толкая другъ друга и перебраниваясь, а три бабы метались и стонали на всю комнату.

Прибѣжала помощница.

— Готова ванна? Дайте пеленку! Скорѣй! Ахъ, Господи, какія неумѣлыя! Пожалуйста, отойдите, не тѣснитесь! Держите свѣчу! Не лѣзьте впередъ, ничего не видно.

Голова у меня кружилась.

— Ну, чего вы стоите, крикнула она мнѣ. Или стоя принимать намѣрены. Это еще сказать надо!

Я сѣла.

— Ну, смотрите же, держите! Я протянула руку.—Рано, рано еще, куда суетесь!.. Я отдернула руки.

— Ну, чего думаете, держите! — Не такъ, не такъ! Ахъ, ты Господи!..

У меня темнѣло въ глазахъ. Я держала руку, которую она дергала во всѣ стороны, ничего не чувствуя и не понимая.

Баба мучительно металась, испуская пронзительные крики; двѣ другія вторили ей... Толпа дежурныхъ стояла, затаивъ дыханіе, въ самыхъ напряженныхъ позахъ; съ меня каплями струился потъ. Показалась головка ребенка, женщина кричала невыносимо.

— Держите, держите! Сильнѣй! Не такъ! оглушительно кричала помощница.

Я чуть не теряла сознанія.

«Не могу больше; принимайте сами... я ошиблась... я не могу быть акушеркой», хотѣлось сказать мнѣ, только самолюбіе, да какой-то страхъ и сознаніе безвыходности положенія заставили меня удержаться.

— Ну, слава Богу! объявила, наконецъ, помощница.

Баба крестилась и вслухъ молилась, а у меня слезы катились градомъ.

Изъ ванной вернулась дежурная, унесшая купать ребенка.

— Клеопатра Алексѣевна! дайте масла, ребенка вытереть нечѣмъ.

— Опять масла... куда это только оно дѣвается? Опять смотритель будетъ ругаться, что скоро вышло. Ну идите—налью.

Дежурная вернулась, неся въ рукахъ фунтовую баночку, до трети наполненную масломъ.

— А въ которомъ часу родился ребенокъ? обратилась ко мнѣ помощница.

— Я не знаю.

— А кто же знаетъ!.. Кто знать долженъ!.. Я что ли за васъ буду замѣчать!.. Вотъ теперь поглядимъ, что вы напишете...

Я убирала родильницу, не смѣя поднять глазъ. Помощница, не думая даже посмотрѣть на часы, сказала черезъ нѣсколько времени: — напишите, что родился въ половинѣ 12-го.

Черезъ полчаса велѣли мнѣ обмыть родильницу; двѣ сидѣлки положили ее на носилки и понесли въ палату. Я пошла рядомъ.

— Куда вы идете? крикнула казенная:—берите кружку!

— Идите и слѣдите, перебила помощница: да не зѣвайте, чтобъ у ней кровотеченія не сдѣлалось.

Пришли мы въ палату и уложили бабу въ постель.

— Ну что, счастливо обошлось? спрашивали дежурныя.

— А право, я ничего не понимаю, кажется, счастливо.

— Да что вы, словно въ воду опущенная?

— Извѣстно что! вступилась одна: — съ Клеопатрой принимала! Про нее сами доктора говорятъ, что ей бы только полкомъ командовать!

— Погодите, говорила подруга:—я принесу вамъ чашку кофе, а то вѣдь на васъ лица нѣтъ.

— Ну что, спрашивала она, принеся кофе и усаживаясь около меня: страшно принимать?

— По правдѣ сказать, я ничего подобнаго не ожидала; у меня до сихъ поръ голова кругомъ идетъ и сердце бьется.

— Ничего, обойдется. Вотъ въ слѣдующій разъ будете принимать съ другой, такъ увидите, какъ все просто. Клеопатра ничего безъ крику не дѣлаетъ. И привычка у нея такая, да вдобавокъ еще она труситъ, потому что и сама ничего не знаетъ. Ну, я пойду къ своимъ больнымъ, а вы глядите за бабой—вамъ еще пять часовъ сидѣть.

Я осталась сидѣть; голова моя была тяжела; во всемъ тѣлѣ чувствовалось неимовѣрное утомленіе; утѣшенія дежурныхъ мало успокоили меня.

— Нѣтъ, не могу я быть акушеркой, думалось мнѣ: должно быть придется бросить.

Тяжело было у меня на душѣ. Полгода убиты даромъ, деньги потрачены безполезно, надо отыскивать другую дѣятельность.

— А что, барышня, прервала мои думы моя баба:—не легко вамъ возиться съ нами; мнѣ даже жалко смотрѣть на васъ было...

Настало утро.

— Дежурныя! несите своихъ дѣтей мѣрить, позвала утромъ казенная. Всѣ, принимавшія, понесли дѣтей въ родильную.

— Давайте вашу рапортовку; сказала мнѣ казенная.

— Да я сама могу написать!

— Ну ужь, это извините-съ! Вы наврете, а я отвѣчать буду! Давайте ее сюда.

Казенная, стала мѣрить ребенка: тутъ я опять увидѣла вещь, которую не понимала и которая удивляла меня до крайности. Отмѣривъ какой нибудь размѣръ, казенная не записывала его прямо, а сначала что-то соображала, дѣлая вслухъ замѣчанія, и записывала меньше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, такъ что въ моей рапортовкѣ оказывался совсѣмъ не такой ребенокъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

— Тринадцать съ половиной! говорила она. Ну, это много. Напишу тринадцать... 12 напишу... одинадцать... девять съ половиной... экой чурбанъ уродился—напишу $8^1/2$... 8. Ну, это можно такъ оставить. Ширина плечь 12 — много, одинадцать; бедра десять, вотъ здоровякъ-то... смотрите, господа, какой большущій!.. Напишу девять. Вѣсъ 3600—вотъ громада-то!.. 150 на пеленку... сколько-жь это будетъ? Двѣ тысячи, сто долой... да еще шестьдесятъ... да 600 прибавить... двѣ тысячи... ахъ, нѣтъ... сто долой, да еще пятьдесять... 3450! наконецъ объявила она:—ну, это много, напишу 3400. Власьева! вѣдь можетъ быть 3400?

— Ахъ, отстаньте, пожалуйста!

— Нѣтъ, напишу 3350... Чтобъ мало не было! Напишу 3400. А вдругъ пристанетъ, зачѣмъ много? Напишу 3375. Да 3375, кажется, подходящее.

— Берите рапортовку и тащите ребенка на мѣсто!

Взяла я свою рапортовку и говорю:

— Какъ же мнѣ теперь рапортовать? — вѣдь тутъ все наврано!

— А вамъ какое дѣло—знайте себѣ рапортуйте!

— Да зачѣмъ же врать-то?

— Говорятъ вамъ—не ваше дѣло, не вы будете отвѣчать, казенныя мѣряютъ!..

Я вернулась въ палату и обратилась за разъясненіемъ къ подругѣ.

— Не знаете ли вы, зачѣмъ это казенныя убавляютъ размѣры? Мой ребенокъ необыкновенно большой, а его записали среднимъ.

— Такъ ужь всегда дѣлается, а то профессоръ придерется; перемѣривать не станетъ, а только сдѣлаетъ выговоръ.

— За что же выговоръ? Развѣ я виновата, что родился такой большой?

— Да вѣдь такіе большіе родятся очень рѣдко, а большею

частію размѣры дѣйствительно средніе. Перемѣрить ему лѣнь, а знаетъ онъ, конечно, что здѣсь все дѣлается спустя рукава, ну, и думаетъ, что по ошибкѣ отмѣрила такого большого.

Такъ теперь казенныя навострились — большой ли, маленькій ли, все записываютъ среднимъ.

— А зачѣмъ ведутся эти книги?

— Дла статистики.

Стала я читать рапортовку. Въ концѣ, въ размѣрахъ ребенка стояли два выраженія: размѣръ 1-й и 2-й. Что это за размѣры — я, сколько ни думала, сообразить не могла. Припомнила все, что знала по этому предмету, но такихъ размѣровъ въ моей памяти не оказывалось.

Обратилась я за разъясненіемъ къ одной изъ дежурныхъ. Эта барышня часто разговаривала со мною на дежурствахъ, и я знала ее за дѣвушку, достаточно развитую и образованную.

— Это что за размѣры, скажите, пожалуйста? спросила я ее: — я просто придумать не могу.

— Ахъ, эти-то! Я и сама не знаю.

— Какъ же это такъ? Вѣдь вы принимали?

— Приняла цѣлыхъ трехъ.

— Какъ же вы рапортовали?

— А такъ — прочла, что было написано въ рапортовкѣ.

— Да вѣдь вы ее сами писали?

— Сама, а размѣры выставила казенная — онѣ вѣдь мѣряютъ. Вы отдайте имъ, онѣ вамъ напишутъ.

— Да онѣ ужь написали, только я не знаю, что это за размѣры.

— Да зачѣмъ вамъ знать? Читайте подъ рядъ все, что написано!

— Какъ же читать, когда я не знаю, что это означаетъ? Вѣдь можетъ профессоръ спроситъ: что я ему скажу?

— Вотъ еще глупости! Никогда онъ не спроситъ; были бы только размѣры подходящіе.

— А вдругъ спроситъ! Да и случиться можетъ очень просто. Вздумаетъ казенная подшутить, или ошибется...

— Никогда этого не можетъ случиться, потому что онъ знаетъ, что онѣ мѣряютъ и за всякую ошибку имъ же достанется...

— Ну, я пойду спрошу кого нибудь...

— Что за глупость? Сидите. Да и кто вамъ скажетъ! Навѣрно, никто не знаетъ.

— Найдется кто нибудь.

— Что-жь! идите, коли ужь такъ хочется, только посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Знающая нашлась, объяснила мнѣ и я успокоилась.

Явился профессоръ, усѣлся въ палатѣ за столомъ и разложилъ большую шнуровую книгу.

— Дежурныя, идите рапортовать! позвала казенная.

Мы столпились около его кресла. Казенная палатная стала рапортовать о числѣ прибылыхъ, выписывающихся и т. п. За нею должны были докладывать мы по очереди. Толпа дежурныхъ стояла съ листками и тетрадками въ рукахъ; всѣ хихикали, толкались, щипали другъ друга.

Рапортовка прошла счастливо. Профессоръ ушелъ; явился докторъ. Я стояла у своей бабы.

— Вы принимали? спросилъ меня докторъ.

— Я.

— Который разъ?

— Первый.

— А ну, посмотримъ, не надѣлали ли вы бѣдъ? Дайте свѣчку.

— Дайте свѣчу, докторъ спрашиваетъ, обратилась я къ старшей казенной.

— Развѣ вы не знаете, что свѣча должна быть у младшей!

Я побѣжала въ другую комнату, младшая была чѣмъ-то занята.

— Гдѣ свѣча?

— А вонъ — тамъ, на стулѣ, за кувшиномъ.

Я посмотрѣла, свѣчи не было.

— Тамъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! я сама ее ставила. Посмотрите хорошенько.

— Да чего смотрѣть? говорю вамъ, нѣтъ. Не иголка вѣдь.

— Господи, вотъ слѣпыя-то! Свѣчи не видятъ. Ахъ, Боже мой! Да въ самомъ дѣлѣ нѣтъ! Кто же ее взялъ-то? Я нарочно поставила за рукомойникъ, чтобы не утащили... и тутъ увидали!.

— Дежурныя! Кто взялъ свѣчу? Ахъ, Боже мой... Бѣгите въ родильную, попросите на минутку...

Въ родильной не давали.

— Въ палатѣ должна быть своя, говорила родильная дежурная... Тутъ всякую минуту можетъ понадобиться.

— Да я сейчасъ принесу.

— И не просите. Просите на минутку, а принесете пустой подсвѣчникъ, знаемъ мы васъ!..

Въ другой палатѣ тоже не давали. Наконецъ лазаретная сжалилась, дала, строго приказавъ:

— Смотрите; сію минуту назадъ... Другимъ не давайте... только вамъ даю.

Прибѣжала я назадъ, доктора ужъ не было.

— Куда, говорю, дѣвался?

— Больныхъ, вѣдь, мало—осмотрѣлъ, да ушелъ. Свѣчи вашей не дождался.

— Да что же это такое? спрашивала я дежурныхъ.

— Да ничего, о чемъ вы безпокоитесь? Васъ докторъ не винитъ, вѣдь онъ знаетъ здѣшніе порядки. Онъ даже засмѣялся и сказалъ: «надо будетъ съ собой свѣчу брать!»

— Удивляютъ меня ваши доктора! говорила я.—Вѣдь они все знаютъ, отчего же не скажутъ директору?

Черезъ нѣсколько дней я была свидѣтельницей интересной сцены.

Въ палатѣ лежала баба, родившая ночью. Утромъ у ней разболѣлся животъ и она охала на всю палату. Докторъ долженъ былъ скоро явиться и потому никакихъ мѣръ не принимали. Директоръ пришелъ въ этотъ день раньше обыкновеннаго, пощупалъ у этой бабы, какъ и у всѣхъ, пульсъ и буркнулъ какое-то распоряженіе. Казенная побѣжала въ кухню готовить его, а директоръ пошелъ дальше. Черезъ минуту явился палатный докторъ. Казенныя, страстно любящія всякіе скандалы, тотчасъ же доложили ему о приказаніи директора.

— Глупости! не надо! сказалъ докторъ.

Мадамъ Д., ни слова не говоря, побѣжала назадъ и доложила директору.

Я какъ разъ въ это время была въ палатѣ и сопутствовала доктору въ обходѣ больныхъ.

Вдругъ вбѣжалъ директоръ; онъ бѣжалъ такъ скоро, что свита не поспѣла за нимъ и отстала.

— Исполнили мое распоряженіе? закричалъ онъ.

— Не исполнила еще, пробормотала казенная и убѣжала, какъ бы готовить.

— Кто смѣетъ отмѣнять мои приказанія? разразился, захлебываясь, директоръ. — Вы забываете, кто я... забываете, что я могу... я не потерплю этого!.. Если я сказалъ, кто смѣетъ отмѣнять мои слова? И пошелъ, и пошелъ, чуть не съ пѣной у рта. Докторъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ и глупо смотрѣлъ ему въ глаза.

— Да я не знаю, наконецъ рѣшился онъ пролепетать:—я ничего не говорилъ... это казенныя...

— Мнѣ до казенныхъ дѣла нѣтъ! если я сказалъ... Докторъ сталъ пятиться къ двери, директоръ за нимъ, а мы стояли и смотрѣли.

VIII.

Три дежурства по родильной.

Все время въ младшемъ классѣ прошло у насъ между ученицами мирно; но какъ только мы начали принимать — начались ссоры и между собою, и съ прежними старшими. Дѣло въ томъ, что когда въ декабрѣ младшія перейдутъ въ старшій классъ и начнутъ принимать, то прежнія старшія принимать перестаютъ, но зато дежурятъ по родильной, пока новыя примутъ по три. Тогда и дежурство по родильной и пріемъ идутъ у всѣхъ одинаково поочереди, очередь устраивается по классному старшинству, но первая всегда нѣмка. Такъ какъ помощницы правилъ не соблюдали и часто давали не въ очередь принимать любимицамъ, да и кромѣ того, рѣдко кто зналъ настоящее правило, то изъ-за этихъ очередей и пріемки постоянно происходили ссоры, часто превращавшія друзей въ враговъ. Принявши трехъ, я, согласно правилу, сообщенному мнѣ казенною, пришла дежурить въ родильную. Черезъ нѣсколько времени является туда же старая старшая и, между прочимъ, одна изъ любимицъ помощницы Татьяны. Произошло недоразумѣніе и горячее объясненіе. Я упиралась на правила, она ничего не хотѣла слушать и только кричала.

Въ этотъ день дежурная помощница была Клеопатра, но у нея была практика и она ушла на 2 часа, а замѣняла ее Татьяна.

Выслушавъ свою соперницу, я сказала, что лучше всего намъ обратиться къ помощницѣ, что я сейчасъ и сдѣлаю.

— Ну, ужь извините, закричала она, вскакивая:—я сама пойду узнаю.

Я осталась ждать. Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась, взяла свой мѣшокъ и пошла-было изъ родильной.

— Погодите, остановила я ее:—что вамъ сказала помощница?

— А вамъ какое дѣло?

— Да вѣдь вы со мной спорили — надо же мнѣ знать, кто правъ и...

— Я не могу разсказывать всѣмъ, что помощница говоритъ.

— Какъ не можете! Вы спрашивали ее о правилѣ, а оно вѣдь не секретъ.

— Секретъ, или нѣтъ, а я разсказывать не стану.

— Да чтожь это такое, обратилась я къ казенной, кого же тутъ спрашивать?

— Помощницъ—это ихъ дѣло—онѣ всѣмъ завѣдуютъ.

Вернулась Клеопатра. Я обратилась къ ней съ вопросомъ — вправѣ ли я дежурить по родильной.

— Вы сколько приняли?

— Трехъ.

— Конечно, вы должны.

— А Татьяна Николаевна говоритъ, вступилась казенная: — что дежурить по родильной начинаютъ послѣ того, какъ примутъ четырехъ.

— Ну, и пусть говоритъ и дѣлаетъ на своихъ дежурствахъ, какъ хочетъ...

— Да, неужели тутъ нѣтъ общихъ правилъ? спросила я.

— Конечно, есть. Вы еще не видали?

— Не видала. Гдѣ же онѣ находятся?

— Въ часовнѣ висятъ въ золотой рамкѣ.

Я улучила первую удобную минуту и пошла въ часовню. Въ золотой рамкѣ висѣлъ литографированный листъ, слѣдующаго содержанія:

Беременныя и роженицы, коимъ въ разсужденіи ихъ здоровья не позволено лежать въ постели, должны, вставъ поутру въ 7 часовъ, причесать себѣ голову, умыть лицо и руки и потомъ, одѣвшись чистенько и порядочно, собраться на утреннюю молитву. Тѣ, кои православнаго вѣроисповѣданія, совершаютъ молитву всѣ вкупѣ и громогласно, а иновѣркамъ предоставляется молиться въ тишинѣ или про себя.

За завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ или столомъ имѣютъ онѣ наистрожайше наблюдать опрятность и вообще должны онѣ быть осмотрительны, чтобы не марать и не портить постельный приборъ, завѣсы и проч., что къ домашнимъ украшеніямъ принадлежитъ.

Въ разговорахъ ихъ должны господствовать скромность и благопристойность и всѣ ихъ поступки должны знаменовать благонравіе и совершенную покорность во всемъ, что имъ приказываютъ.

Да не отважится какая-либо изъ нихъ заводить какія-либо ссоры, но имѣетъ основательную свою жалобу приносить директору или доктору.

Каждый день обязаны двѣ беременныя женщины дневать у роженицы и дѣтей ихъ пеленать такимъ образомъ, какъ имъ показано будетъ, и съ такою притомъ осторожностью, какъ бы онѣ обходились съ своими собственными дѣтьми, поелику та услуга, какую онѣ нынѣ оказываютъ роженицамъ, замѣнятся имъ черезъ короткое время другими беременными, кои послѣ нихъ вступятъ. Въ ночное время онѣ отъ сего освобождаются, а пеленаютъ дѣтей уже дежурныя воспитанницы.

Беременнымъ не позволяется быть въ залѣ рожениць, а имѣть имъ и то только въ случаѣ надобности проходъ черезъ оную.

Съ дозволенія доктора, а въ отсутствіе его съ дозволенія бабушки, можетъ роженица принять посѣщеніе, но деньги, съѣстное, домашнее лекарство, бѣлье и сему подобное ни подъ какимъ видомъ имъ принимать не дозволяется.

Въ 8 часовъ вечера собираются онѣ на вечернюю молитву, по совершеніи которой должна каждая въ тишинѣ ложиться, чтобы не нарушать покой другихъ.

— Что-жь это за правила, спрашивала я, вернувшись въ родильную, тамъ объ ученицахъ ни слова нѣтъ.

— Ну, а другихъ не полагается—однѣ только и есть.

Пришла я въ другой разъ дежурить въ родильную. Казенная сидѣла и подрубляла безконечную оборку.

— Что это, вы себѣ обновку шьете?

— Какую обновку! Татьянѣ къ капоту оборку рублю.

— Неужели стоитъ вамъ брать работу—много ли у васъ свободныхъ минутъ выдается. Ну, сколько вы этимъ заработаете?

— Какъ заработаю? Ничего не заработаю. Развѣ я за деньги—даромъ шью.

— Что это вамъ вздумалось?

— Нисколько не вздумалось—дала шить—ну и шью. Что съ ней будешь дѣлать. Словно вы въ первый разъ видите. Мы постоянно шьемъ на нихъ. Иногда такая злость возьметъ, а ничего не подѣлаешь—навсегда себѣ врага наживешь. Да и какъ откажешься, когда она все шуткой, да лаской. Подарите, говоритъ, этотъ день мнѣ. Мнѣ хочется поскорѣе кончить. Какъ будто она начала—весь капотъ сшили мы. И такъ вотъ всегда: помощницы на дежурствахъ, а Катерина Ивановна въ классѣ. Помощницы еще лучше: даютъ работу, если у нихъ есть, а нѣтъ, такъ дѣлай, что хочешь, если есть время. А тотъ — старый дьяволъ свою работу суетъ, а если кто-нибудь изъ насъ возьметъ свою собственную—сейчасъ кричитъ: дѣвицы! оставьте работу—здѣсь нельзя шить своего! О нарядахъ думаете—а дѣло свое забываете.

Вошла Татьяна.

— Вотъ я вамъ еще работы принесла. Вы оборку теперь оставьте, а размотайте мнѣ шерсть, а то вязать нечѣмъ.. Ахъ, какъ мнѣ это одѣяло надоѣло! Скоро ли то я его кончу!

— Охота вамъ вязать—и дешевле и проще купить, сказала я.

— Какъ можно! Что можетъ быть лучше вязанаго одѣяла на фланелевой подкладкѣ? И тепло, и красиво.

— Да вы вѣдь не себѣ вяжете — навѣрно подарите кому-нибудь, сказала казенная.

*

— Нѣтъ, ни за что! Этого никому не подарю! Надоѣло ужъ вязать — шестое одѣяло вяжу. Увидитъ кто-нибудь и выпрашиваетъ. Ахъ, какъ мило, какъ хорошо. Подарите, Татьяна Николаевна, подарите, ну, что вамъ стоитъ. Ну, какъ тутъ быть, подаришь. Вотъ одно подарила директору, другое профессору... нельзя же...

— Скажите, пожалуйста, обратилась она черезъ нѣсколько времени ко мнѣ, какъ ведутъ себя въ классѣ у васъ двѣ русскія, поступившія послѣдними.

— Да онѣ вѣдь три дня только пробыли у насъ и давно ужь перешли въ русскій классъ.

— А что вамъ такъ интересно?

— Да меня просилъ директоръ... Онѣ вѣдь перешли къ намъ изъ другаго заведенія... Вы вѣрно слышали, что тамъ случилась исторія у ученицы съ директоромъ. Ту ученицу выключили, а 11 сами вышли, и эти 2 въ числѣ ихъ. Онѣ бы и не попали къ намъ, еслибы не поспѣшили записаться. Тамошній директоръ прислалъ намъ сюда списокъ всѣхъ вышедшихъ и еслибы онѣ пришли нѣсколькими днями позже — ихъ бы не приняли... Да вѣдь онѣ какія смышленыя—чуть не на другой же день пришли сюда... Впрочемъ объ этихъ двухъ барышняхъ я не могу сказать ничего дурнаго. Какъ внимательно я за ними не слѣдила—только могу похвалить: и скромны, и аккуратны... Однако я пойду; у меня гости. А вы ужь, пожалуйста, смотрите, чтобъ все было въ порядкѣ; а если эта старая дура, мадамъ Д., притащится—прибѣгите за мной. Она что-то часто стала ходить.

Однажды я пришла дежурить въ родильную, рожениць не было; сидѣли мы съ казенной и преспокойно разговаривали, какъ вдругъ по корридору пробѣжала казенная лазаретная и, сунувъ голову къ намъ въ дверь, крикнула скороговоркой: «идетъ повѣрять!»

Моя казенная вскочила, опрометью бросилась къ шкафу съ бѣльемъ и выхватила цѣлую кучу бѣлья. Крупныя вещи сбросила въ фартукъ, а мелочь совала въ карманъ, но все не умѣщалось; она крикнула мнѣ:

— Помогите, ради Бога, спрятать, а сама убѣжала съ своей кучей по корридору.

Я, по ея примѣру, напихала себѣ полный карманъ мелочи, а крупныя вещи разсовала подъ тюфяки; показалось мнѣ замѣтно, спрятала въ душникъ, но одумавшись, опять положила подъ тюфяки, и сѣла въ ожиданіи разъясненія.

Признаюсь, я была очень смущена; никогда еще я ничего подобнаго не видѣла и не могла представить себѣ, кто это идетъ

повѣрять и зачѣмъ отъ него прячутъ бѣлье. Мнѣ представлялось, что сейчасъ будетъ общій обыскъ, и я терялась: что̀ сказать, если найдутъ бѣлье подъ тюфяками, и еще лучше—у меня въ карманѣ?

Черезъ минуту казенная вернулась, запыхавшись, но съ сіяющимъ лицомъ, остановилась у двери и стала прислушиваться въ корридорѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ концѣ его послышался громкій споръ нѣсколькихъ голосовъ. Казенная стояла, то блѣднѣя, то краснѣя, и не смѣла пошевельнутся.

— Друидова! Амалья Богдановна васъ зоветъ, крикнулъ кто-то изъ корридора.

— Ахъ, чортъ возьми, нашла таки! нашла! шептала казенная, не рѣшаясь двинуться съ мѣста.

Подбѣжала дежурная.

— Идите! нашла! Малевская показала!

Друидова, не говоря ни слова, опять кинулась къ шкафу, выхватила еще бѣлья, но сама уже прятать не стала, а кинула мнѣ, проговоривъ какимъ-то повелительнымъ и вмѣстѣ умоляющимъ тономъ:

— Спрячьте, куда хотите! и пошла на расправу.

Я поспѣшила опять разсовать бѣлье и пошла слѣдомъ за нею. Сцена дѣйствія оказалась въ Палатѣ. Посреди комнаты надъ кучей бѣлья стояла горбатенькая костылянша и просто голосила, выходя изъ себя.

— Вотъ тутъ и смотри за бѣльемъ, считай его! Нечего сказать, барышни, чѣмъ занимаются! Казенное бѣлье прячутъ. Извольте тутъ усмотрѣть, когда у людей ни стыда, ни совѣсти нѣтъ.

Друидова крестилась и божилась, что она бѣлья въ шкапъ не клала.

— Представьте себѣ, обратилась она ко мнѣ, увидя меня — какая тутъ исторія. Въ шкапу у больной нашлось казенное бѣлье, и вотъ это Малевская увѣряетъ, что я его положила. Вѣдь можно же говорить такія мерзости!

Я ничего не понимала и не знала куда глаза дѣвать. Признаюсь, я такъ и ожидала, что Амалья Богдановна схватитъ меня за карманъ и вытащитъ казенные свивальники.

— Конечно, видѣла, горячилась Малевская:—всему свѣту скажу, что видѣла, и всѣ видѣли...

— Мы ничего не видѣли; объявили въ одинъ голосъ остальныя.

— А! не видѣли, заговорила Богдановна:—такъ мадамъ Д. рѣшитъ, кто виноватъ. Соберите бѣлье и пойдемте къ ней; вы, Друидова, и вы, Малевская, тоже. Она разберетъ... Она дирек-

тору скажетъ... чтобы этого больше не было... Благородныя барышни, а нисколько себя не берегутъ... Стыдно сказать, чѣмъ занимаются!

Она велѣла Малевской взять бѣлье, и всѣ трое двинулись по коридору къ мадамъ Д.

Черезъ нѣсколько времени Друидова вернулась въ родильную, взволнованная до крайности.

— Представьте себѣ, какая мерзавка! Выдала! Какая подлость-то! Ну, ужь погоди она у меня! Теперь директору будутъ жаловаться... и вѣдь надо же было такой бѣдѣ случиться! Цѣлый годъ прожила спокойно, ни одной непріятности не было, а тутъ вдругъ такая исторія... Она захлебывалась отъ волненія.

— Да въ чемъ дѣло, скажите, пожалуйста!

— Ахъ, Боже мой, понимаете—я спрятала бѣлье въ шкапъ, чтобы Богданиха не увидала, а Малевская показала ей. Вы представьте себѣ, какая низость...

— Да что это за бѣлье, я все-таки не знаю.

— Ахъ, Боже мой, понимаете—Богданиха даетъ мало бѣлья, а доктора требуютъ, чтобы больныя были всегда чисты и сухи. На родильную дается, напримѣръ, шесть смѣнъ, а ихъ никогда не хватаетъ. Если у нея спросить, она только ругается, а не даетъ. Вотъ какъ останется лишнее, мы его и прячемъ, не даемъ ей, чтобы было, когда понадобится.

— Да откуда же у васъ лишнее, вѣдь она, кажется, считаетъ грязное и взамѣнъ его даетъ вамъ столько же чистаго?

— Ничего она не считаетъ, считаетъ только для виду... И всѣ это дѣлали и дѣлаютъ и все сходитъ, а мнѣ вотъ надо было попасться. Вѣдь не мое и бѣлье то—я такъ и приняла шкапъ отъ смѣнившейся дежурной. Другія еще и не то дѣлаютъ, а прямо, когда она выдаетъ и отворитъ нѣсколько шкаповъ, за спиной у ней изъ шкапа и натаскаютъ... А тутъ эта Малевская... Вѣдь этакая мерзавка!

— Да можетъ быть она тоже не знала этихъ порядковъ, та нашла, спросила, а она, не сообразивши дѣла, и отвѣтила, что вы принесли.

— Ну, что вы глупости говорите! Развѣ Богдановна по шкапамъ у больныхъ шаритъ! Малевская сама подошла и показала. Та даже не поняла сначала, и на нее же закричала. Такъ Малевская и шкапъ сама отворила и показала. Ну та, какъ пашла, и стала кричать и допрашивать. А Малевская и фамилію-то моей хорошенько не знала, такъ объяснила, что одна изъ двухъ сестеръ *полячекъ*, и прибавила еще, что мы обѣ всегда такъ дѣлаемъ.

— Да чтожь эта Малевская—зла на васъ, что ли?

— Она вообще дрянь, а кромѣ того давно зла на меня. Она, видите ли, дежурила въ лазаретѣ и пришла изъ него въ родильную, а я отвела ее за руку къ двери и сказала: развѣ вы не знаете, что изъ лазарета въ родильную ходить нельзя... Такъ она такъ раскричалась, что ни на что не похоже, и полячка, и подлая, и какихъ только словъ не прибирила, и тогда же обѣщалась отплатить... А кромѣ того, говорятъ, Амалья Богдановна поймала ее одинъ разъ уходящею съ пеленкой на головѣ и заподозрила въ воровствѣ... Вотъ она сегодня и устроила эту исторію, чтобы снять съ себя подозрѣніе. А я теперь расхлебывай! Вѣдь этакій срамъ! Мадамъ Д. завтра въ комитетъ пойдетъ директору жаловаться. И надо вѣдь было этой Гроздевой бѣжать и объявлять, что этотъ старый дьяволъ идетъ!

— Да чего вы волнуетесь! Тѣмъ лучше, что скажутъ директору—по крайней мѣрѣ, вы разскажете ему все, какъ было, и почему вы это сдѣлали—навѣрно всѣ ваши не откажутся подтвердить, что всѣ это дѣлаютъ.

— А что вы думаете! Я такъ и сдѣлаю! Выскажу ему все— пусть что хочетъ дѣлаетъ, я не виновата. Доктора отъ насъ никакихъ резоновъ не принимаютъ. Напрасно только я теперь отпиралась. Признаться бы мнѣ прямо, а то директоръ непремѣнно спроситъ, зачѣмъ я сегодня врала.

— Ахъ, Боже мой, этакими глупостями смущаться. Объясните ему, что вы просто сконфузились, растерялись, а солгавши разъ, не хотѣли признаваться иначе, какъ ему. Это со всякимъ можетъ случиться, не только съ воспитанницей, на которую накидываются съ крикомъ, словно на собаку.

— Что тутъ такое случилось, спросила, входя, помощница.

— Ахъ, Степанида Александровна, такая исторія, что просто ужасъ, начала Друидова. У меня въ родильной, въ шкафу, было лишнее бѣлье, пришла Богданиха повѣрять, я и спрятала его въ палатѣ въ шкапы, а Малевская показала ей. Она пожаловалась мадамъ Д., и та хочетъ завтра идти въ комитетъ жаловаться директору. Просто и не знаю, что мнѣ теперь дѣлать! Вѣдь вы знаете безъ этого нельзя и всѣ мы это дѣлаемъ, а я теперь изъ за этой Малевской отвѣчать должна.

Я широко раскрывала глаза, не понимая такой откровенности съ однимъ изъ членовъ начальства, но помощница ни мало не удивилась, а была только недовольна, что произошелъ скандалъ.

— Это надо какъ нибудь уладить, сказала она:—стоитъ ли изъ-за такихъ пустяковъ заводить исторію! А ужь Малевская

пусть теперь держитъ ухо востро. Она за это поплатится, мы ужь ее допечемъ!

Вернувшись въ родильную, я застала тамъ одну Друидову. Бѣдная дѣвушка старалась успокоиться и сосредоточиться, но это ей не удавалось.

— Просто не знаю, не знаю, что теперь и дѣлать. Идти объявить имъ теперь же и извиниться я не могу, я слишкомъ горда для этого... Я никогда не соглашусь на это. А доводить дѣло до директора тоже скверно. Положимъ, онъ оправдаетъ меня, такъ вѣдь онѣ заѣдятъ... Если бы это было подъ конецъ года — я бы нисколько не задумалась и все бы выложила директору, какіе тутъ порядки, а теперь,..

— О какомъ извиненьи вы говорите! Будете просить извиненія у Амаліи Богдановны, извиненія въ томъ, что она мало даетъ бѣлья и тѣмъ капиталы наживаетъ. Вы подумайте только, какъ вы повредите этимъ не только себѣ, но всѣмъ ученицамъ. Вы совершенно отдадите себя имъ въ руки вмѣсто того, чтобы вывести ихъ на свѣжую воду. Онѣ же потомъ будутъ васъ попрекать этимъ случаемъ и грозить разсказать его директору.

Друидова сидѣла въ раздумьи, прерывая его отрывистыми восклицаніями.

— Друидова! Степанида Александровна васъ зоветъ.

Друидова отправилась и, вернувшись черезъ полчаса, разсказала, что помощница совѣтуетъ ей замять это дѣло. Стоитъ ли, говоритъ, доводить такія пустяки до директора—заводить скандалъ. Подите, говоритъ, просто къ мадамъ Д. и признайтесь ей, что вы это сдѣлали, но въ первую минуту растерялись и потому солгали. Она, конечно, проститъ и дѣло будетъ кончено.

— И что же вы — согласны?

— Да право ужь и не знаю, что дѣлать. Извиняться я ни за что не стану... На такое униженіе я не соглашусь, а доводить до директора и сама не хочу, и Степанида Александровна разсердится, что ея совѣта не послушалась.

— Что же, Друидова, ходили вы къ мадамъ Д., спросила, заглянувъ въ родильную, Степанида.

— Сейчасъ иду, Степанида Александровна. Ну, вотъ видите начала она шопотомъ:—какъ тутъ отдѣлаться... надо идти! Впрочемъ, я вотъ что сдѣлаю: просить ихъ не стану, а пойду къ Катеринѣ Ивановнѣ, разскажу ей все откровенно и попрошу сходить къ обѣимъ поговорить за меня.

Она ушла, а я повытаскала изъ потаенныхъ мѣстъ бѣлье и уложила его на мѣсто.

— Ну, слава Богу, кончено, объявила Друидова, вернувшись

черезъ полчаса.—Катерина Ивановна уладила. Была я у мадамъ Д. и у Амальи Богдановны. Все обошлось какъ нельзя лучше. Обѣ такъ ласково приняли, какъ я и не ожидала... Думала, что нотацію прочтутъ, но и этого не было. Теперь надо только снести Амаліи Богдановнѣ лишнее бѣлье, но этого ужь я сама дѣлать не стану, а велю младшей.

— А бѣлье-то все-таки велѣно отдать?

— Ахъ, чортъ съ ними и съ бѣльемъ вмѣстѣ.

IX.

Заключеніе.

На первыхъ же порахъ нашего перехода въ старшій классъ, профессоръ объявилъ намъ, чтобы мы устроили очередь и ходили по двѣ дежурить въ поликлиникѣ при пріемѣ больныхъ.

Клиника эта устроена съ цѣлью практическаго ознакомленія ученицъ съ женскими болѣзнями. Въ проектѣ имѣлось также въ виду сообщеніе употребительнѣйшихъ лекарствъ, что весьма возможно въ женскихъ болѣзняхъ даже при самой ограниченной подготовкѣ, такъ какъ мѣстное леченіе очень однообразно. Но это такъ въ проектѣ и осталось, а все дежурство заключается въ томъ, что дежурныя ставятъ зеркало, подаютъ и держатъ въ случаѣ надобности кисточки и инструменты, бѣгаютъ за водой, укладываютъ больныхъ, подаютъ доктору умыть руки и т. п.

Изрѣдка, если докторъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ дозволитъ ученицѣ изслѣдовать больную; еще рѣже спроситъ, что она нашла. Большею частью не находятъ ничего, потому что не имѣютъ даже ни малѣйшаго представленія о томъ, что онѣ должны и могутъ найти, такъ какъ всѣ органы остаются въ представленіи въ видѣ профессорскихъ кулаковъ. Иногда докторъ даже пытается дѣлать объясненія, но дѣло кончается двумя-тремя безсвязными фразами, потому что всѣ принимающіе доктора, по крайней мѣрѣ въ мое время, были нѣмцы, говорившіе уморительно по-русски.

Такъ и служитъ эта клиника для практики и пріобрѣтенія извѣстности докторамъ, а ученицы сходятъ разъ-другой, да и бросятъ, потому что кому охота простоять 3—4 часа, для того, чтобы подать доктору умыть руки.

На второмъ курсѣ намъ читали неправильные роды и болѣзни беременныхъ и родильницъ.

Лекціи шли также, какъ и въ первомъ, и отличались только одной небольшой оригинальностью. Сообщивъ признаки и ходъ болѣзни, профессоръ приступалъ къ сообщенію средствъ и пособій.

— Какъ только вы распознаете болѣзнь и убѣдитесь тщательнымъ изслѣдованіемъ, что не ошибаетесь—вы должны тотчасъ же и прежде всего послать за докторомъ, затѣмъ... Но это затѣмъ состояло въ укладываніи больной въ постель и предписаніи ей покоя или въ переворачиваніи ея съ боку на бокъ. Еще дозволялось намъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлать ванну, а больше ничего мы не слыхали.

— Ну, а если не найдемъ доктора, рѣшился однажды спросить кто-то изъ учениць.

— Посылайте за другимъ.

— А если ни одного не найдемъ, вѣдь въ деревняхъ нѣтъ докторовъ.

— Я не могу ничего сказать вамъ, отвѣчалъ, пожимая плечами, профессоръ, по закону вы ничего не имѣете права дѣлать.

Начались экзамены; всѣ трусили ужасно и до послѣдней минуты зубрили несчастную книжку Шпета; не смотря на это, большая половина отвѣчала такія нелѣпости, что всѣ фыркали. Тѣмъ не менѣе выдержали всѣ, за исключеніемъ трехъ, которыя не могли ничего отвѣтить ни на одинъ вопросъ.

Затѣмъ начались приготовленія къ торжественному экзамену. Никто не зналъ, когда онъ будетъ, всѣ толковали о немъ, готовились, трусили. Наконецъ за два дня объявили намъ, чтобы мы пришли тогда-то въ 10 часовъ.

На самомъ дѣлѣ ничего торжественнаго не оказалось; нарядившіяся ученицы болтали, смѣялись, ходили изъ комнаты въ комнату, никто не хотѣлъ садиться, такъ что помощницы бѣгали и сгоняли насъ на мѣста. Въ залѣ былъ шумъ невообразимый. Наконецъ, кое какъ разсадили большую часть по мѣстамъ, профессоръ шикнулъ, на мгновеніе всѣ затихли, и онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

— Чтобы намъ не осрамиться и сегодня такъ, какъ мы срамились на частномъ экзаменѣ, я начну съ послѣднихъ, чтобы покончить съ ними до сбора публики, а теперь прошу васъ замѣтить: на лѣво будутъ лежать билеты изъ первой части, на право—изъ второй. Кто знаетъ первую—берите первую, кто знаетъ вторую—берите вторую... И словно тяжелый камень свалился у меня съ души, когда я отвѣтила и подумала: *слава Богу—все кончено.*

К. К.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
July-August 1988
We're Quality Bound